

Юлия Брейдакова

СМЕЮШИСЯ
Ш
ИЙСЯ

ПЕРВАЯ КНИГА СЕРИИ «СМЕЮЩИЙСЯ ДОМ»

Хочу!

Юлия Ивановна

**Смеющийся дом. Первая книга
из серии «Смеющийся дом»**

«Издательские решения»

Ивановна Ю.

Смеющийся дом. Первая книга из серии «Смеющийся дом» /
Ю. Ивановна — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-602981-1

От избытка чувств говорят уста. Это сказано, как раз, о том, как родилась книга. Воспитанная в многодетной семье. Получившая замечательное образование. На практике знающая методы воздействия на человека добра и сочувствия, ненависти и жалости, автор и с читателями делится этими необходимыми знаниями. При любом, самом безнадежном, повороте событий, автор учит читателей быть хозяевами своей единственной и неповторимой, жизни. Стоять крепко на ногах и идти по жизни с ослепительной улыбкой.

ISBN 978-5-00-602981-1

© Ивановна Ю.
© Издательские решения

Содержание

Глава I.	6
Глава II.	11
Глава III.	18
Глава IV.	25
Глава V.	30
Глава VI.	37
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Смеющийся дом

Первая книга из серии «Смеющийся дом»

Юлия Ивановна

Посвящается Жизни!

© Юлия Ивановна, 2023

ISBN 978-5-0060-2981-1 (т. 1)

ISBN 978-5-0060-2982-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Девяносто девять процентов всех описанных событий произошли в реальности. В жизни и окружении автора этих строк. Или в жизни ее южиков (родственников).

Для более глубокого восприятия текста в конце книги располагается «Краткий словарь». Поделен он по Главам, а не по алфавиту.

Милый читатель! Ты решился пройти рядом с героиней, всем ее семейством и множеством работ? Тебе надо окрепнуть и взбодриться? Тогда эта книга – для тебя!

Автор ничего не сочиняла, а просто описала жизнь, происходящую вокруг нее. Все упомянутые в книге произведения, песни и учебные пособия находятся в свободном доступе в интернете.

Любое совпадение имен или фамилий является случайным.

Начинаем!

Глава I.

Красная карточка*

Теплая, приятная ночь. Встала ночью, по обычаю, на минутку. Иду тихонечко, спросонок. Гляжу, а на полу чья-то скомканная подростковая длинная вещь валяется. Наподобие кофточки. И мысль у меня: «Я сейчас по ходу движения запутаюсь ногами в ней и упаду вообще на пол».

Сосредоточилась. Раз! Перешагнула. Удачно. Все хорошо.

Иду обратно. Сосредоточилась для повтора каскадерского трюка. Но ракурс светящейся тусленько луны оказался другим. Теперь четко видится мне прямой лучик, преломляющийся о комнатные вещи и падающий на витиеватый ковровый узор. Оказывается, я спросонок лунный свет перешагнула...

Солнце будит меня своими первыми лучами. И чего я так рано выпалась? Сладко потягиваюсь. Меня встревожили какие-то неправильные звуки в предутренней тишине.

Прислушалась, не вставая: тишина, взрыв смеха, тишина, взрыв смеха, тишина, приглушенный хохот – и опять. Придется встать.

Раз! Села на диванчике. Подумала, послушала, пошла проверять по дому. Звуки привели на кухню. Присев на корточки и осторожно выглянув из-за двери на кухню, увидела их источник.

Упс! Картина Репина «Приплыли»! Захар с Верой купаются в море. Сынуля стоит на стуле и наливает воду в банку из-под крана над раковиной. Осторожно передает полную банку воды вниз, моей доченьке Верочке. Та берет ее, замирает на секунду, смотрит на брата и выливает на линолеум. Детский смех разносится в воздухе.

Ясно. Наблюдаю дальше. Они – снова. Понятно. Боясь напугать ребят со стеклянной посудиною, стоя за дверью, крикнула в коридоре:

– Ребята! Вы где?

После этого вошла на кухню. Как описать лица малышей, только в эту секунду осознавших свое непотребное дело?

В нашей семье твердое правило: сам разлил – сам вытри. Разбил – подмети. Разорвал – пришей. Если я сейчас стану разговаривать с ними, то проснутся раньше времени другие мои деточки. Двигаться дальше мне нужно эффектно. Так, так, так! Готово!

Вспоминаю движения артистов из старинных немых фильмов. И захожу. Иду, улыбаюсь. Наступаю на лужу. Отпрыгиваю и трясусь, якобы от холода. Так и стою.

Слава Богу! Первой спохватилась Вера. Молча (видимо, сказалось влияние немого кино) показала брату траекторию его спуска со стула. Сама побежала в ванную за тряпкой. Захар в это время лишь смотрел на меня с виноватым видом. Жалко, что семья не видит, с каким рвением они оба вытирают пол одной тряпкой. Правда, умудряются по совместительству поиграть и в дождь.

Я по-прежнему молчу. Пол почти сухой. Тазик с тряпкой вернулись на свое законное место. Я присела на краешек стула, размышляя об увиденном.

– А что это вы тут делаете?! Шесть часов только! Доброе утро! – Вопрос Нади застал нас врасплох.

Младшие смотрят на меня испытующе. Я обнимаю их и отвечаю:

– Обнимаемся!

Мы захохотали вчетвером, чем и подняли вместо будильника всю оставшуюся семью.

Вера опустила взгляд на пол. А Захар, напротив, открыто смотрит на меня. Стоят. Я болтаю ногой, поднимая глаза к потолку. Первой заговорила Вера:

– Мама, прости. Я так не буду. Я плохо сделала.

Подбодренный ее примером, старший братишка затынул:

– Дорогая мамочка! Я тебя очень люблю! Прости меня, я виноват, я ведь старший!

Так жалко мне моих младшеньких. Соединяю их ладошки вместе со своими, обнимаю, целую. Тут и они поняли о прощении. Обхватили меня руками и прижались к голове. Вот оно – счастье! Нет его слаще.

Живет наша семья в чудесном городе Хрусталь. Название города? А что тут говорить? Историки спорят о его происхождении до сих пор. А для жителей всегда есть повод пошутить на «хрустальную» тему. И нам, простым горожанам, нравится просто в нем жить, творить и служить. Между собою мы называем друг друга хрустальянцами.

Зеленый городок ни мал ни велик. Как раз впору всем, кто в нем прижился. Всего в нем достаточно. И природы за оградами. И лесов за окраинами. И цветов по всему городу, где только есть земля. А рыбалка! М-м-м!

Администрация приплачивает тем хозяевам, которые разбивают у своих домов разноцветные палисадники. Постоянно проводит конкурсы на лучшую рекламу, лучшее объявление и т. п. Совсем недавно весь город выбрал победителя в проекте «Подними настроение прохожему». 71% голосов получило объявление, которое хозяин приклеил на своей калитке в частном секторе: «Продаю восточноевропейскую овчарку. Цена договорная. Употребляет любое мясо. Любит маленьких детей».

– Двести первая мотострелковая дивизия, подъем! – Я даю команду на окончательное пробуждение моих детей.

Мне хочется обниматься и обниматься с младшими, но – труба зовет! И у моей трубы очень длинное название: Нина, Тихон, Максим, Надя, Христина, Захар и Верочка.

Запел мой инструмент красивыми и звучными аккордами. Забегали кнопки туда-сюда в поисках нужной ноты.

При очередном вираже собирающихся столкнулись в проеме двери Христина и Надя. Поборовшись немного за первоочередной выход в комнату, Христина громко кричит:

– Мама, тут движуха такая! Пора светофор ставить!

Пятница. У детей школа, работа, садики и кружки. Дирижер только никак не выйдет на общий вид. А публика задает вопросы и просит немедленного вмешательства.

Что же? Мой выход? Овации оглушили меня, Ксению Николаевну Свистун.

Умело рассадив музыкантов, раздала партитуры и взмахнула руками. Мелодия зазвучала слаженно. Дети организованно продолжили свои сборы, лишь изредка спрашивая меня о чем-то.

Я достала из кошелька деньги и раздала их детям. На карманные расходы, как говорится.

Одна сторублевка упорхнула в воздух. Полетав немного, мягко опустилась на пол. И чего я так всматриваюсь в нее? Захар спрашивает Христину:

– Ты видела, как она летала долго?

Сестра, конечно, видела и ответила коротко:

– Да!

– А я не видел, как ты видела.

Все дети смеются над его выражением.

Ты, Ксения, сто рублей первый раз видишь? Нет. Какая-то мысль приближается. Все, поймала ее. Понятно!

Мне вспомнилась громадная сумма денег, которую я одолжила людям для оформления ими запущенных и просроченных документов. Обещали вернуть через месяц. Прошло два года...

Слава Тебе, Боже! Вот и утешение!

Слышала от кого-то такую фразу: «Когда человек должен тебе 500 рублей – это его проблемы. Когда человек должен тебе 50 тысяч – это уже твои проблемы!» Все верно. На душе стало веселее.

Мы помолились. До выхода из дома есть немного времени. Мне захотелось включить уходящим аудио рассказы.

Через несколько секунд посторонний звук среди общего повествования отвлек меня. Я стала внимательнее. Мне показалось, будто за окнами сигналият долго. Нажала «стоп» на экране. Тишина. Да и ладно. Слушаем дальше.

Опять этот звук. Теперь муха, видать, проснулась между оконных рам и ищет выход на свежий воздух.

Нажимаю «стоп» на экране, прислушиваюсь. Тишина. «Так, Ксения! Хватит отвлекаться!» Включаю дальше. В этот раз меня привлек звук то ли вибрации в телефоне, то ли тихий, скромный гудок входящего вызова.

Я подняла свой телефон на уровень глаз, собираясь поговорить с вызывающим. А там просто идет аудиозапись через bluetooth! Никаких входящих вызовов. Нажала «стоп». Тишина. Нажала «продолжить» – снова звуки вызова пошли.

И тут меня осенило! Это в записи у кого-то телефон звонит, а он не поднимает трубку! Ха-ха-ха! Как весело бывает в жизни.

Многие дети уже кружатся в районе прихожей. Подыскивают подходящие легкие шапочки, курточки. Я переместилась поближе к ним. Только открыла рот для поддержания учебного настроения, как зазвонил мой телефон. Смотрю. Да это Нина, моя старшая доча.

– Але! Ты чего так рано соскочила?

– Мам, привет! Мы давно встали. Собираемся до школ и садиков вместе съездить на реку. У нас ведь все с десяти часов. Мам, вот смотрю на детей: подросли, играют, общаются между собою хорошо. Дела по дому делают, к нам с Макаром отлично относятся. Все хорошо, а у меня на душе печалька какая-то.

Я уловила первые плаксивые нотки в интонации моей старшей. Специально перебиваю дочу, стараясь перевести разговор в иное русло:

– Нина, представляешь, на днях втискиваюсь в маршрутку. Еду стоя. Вдруг сидящая около меня женщина говорит: «А я вот не могу в церковь ходить». Я молчу. Едем дальше. Она опять: «Как зайду – плохо мне. Выйду – полегче. Зайду – плохо мне. Выйду – полегче». Представляешь, Нин? Так и смотрит на меня. Я отчего-то все равно молчала. Ты меня слушаешь, доча? – проверяю я связь.

– Да, мама, слушаю...

Я ей рассказываю дальше, то есть отвлекаю ее вновь:

– Стою согнутая, в неудобном положении. Так она, та женщина, мне и говорит: «Просто там так пахнет, я не могу выносить этот запах». Я молчу и думаю: «Когда моя остановка? К чему этот разговор? Наверняка она запах ладана не выносит!» Нина, та женщина с маршрутки стала собираться и выходить. Раскрывая дверь салона, она печально сообщает мне: «От тебя сейчас так пахнет. Точно так же, как там, от тебя пахнет!»

Я смеюсь громче, призывая к веселью дочку. Помолчав секунды две, моя Нина продолжает:

– Раньше облепят, спутают меня собою с ног до головы. Пройти не дают, на руках всегда кто-то висит. А сейчас... Смотрю – вон они, там... А я – вот тут. И им все нормально. И им все хорошо. – Ниночка начала всхлипывать.

– Нинуся, ну хорошо – и хорошо. Это же хорошо! – намеренно смеюсь я и веселю дочку.

– Да. Слава Богу. А мне грустно почему-то.

Я призадумалась. Надо девоньку спасать.

– М-м-м! Есть один очень быстрый способ, чтобы на себе детскую любовь почувствовать сполна.

– Какой, мам? Говори скорее!

– Ты должна не только слушать, но и дела делать сейчас. Готова?

– Да. – Голос ее явно повеселел.

– Зайди сейчас в ванную комнату.

Мне слышен в динамике скрип двери.

– Зашла.

– Открой воду, включи свет.

– Так. Сделала.

– Теперь закрой дверь изнутри. – Чего-то не слышу я щелчка замочка. – Закрылась?

– Зачем? – медленно, растягивая слоги, спрашивает Нина.

– Надо, Нина, надо! Теперь крикни, не открывая двери, но так, чтобы все дети услышали: «Алиса! Принеси мне, пожалуйста, тоненькую расческу».

– Да ну, мам. И чего? Ай, ладно. Говори дальше, я все сделаю.

– Короче, она принесет расческу. Ты проси просунуть ее под дверь в ванную комнату.

– Хорошо. И?.. – Нина с нетерпением ждет продолжения.

– Дальше самое интересное! Не сдавайся с первой минуты. – Я засмеялась.

– Не поняла... – разочарованно протянула дочь.

– Слушай. Сейчас набегут все твои дети. Станут в любви признаваться. И просто разговаривать, мечтать тебя увидеть. Уроки решать. И все это через закрытую дверь. А ты не сдавайся, хотя бы минуты три. Лады? По прошествии малого времени намочи слегка волосы на голове. Повесь полотенце через плечо. И выходи. Предупреждаю: прими устойчивое положение.

Нинуля моя залиvisto смеется, представляя себе натиск деток.

– Намочила? Полотенце закинула? Ваш выход, мадам! Все, выходи. – Мне слышно, как дети тарабанят в дверь. – Але? Нина, выходи уже!

Мое ухо уловило звук открывающейся защелки. Ниночка забыла в суете выключить динамик. Я все слышу в аудио: топот ног, шум, возня, одновременный разговор нескольких деток. И шум не удаляется. И телефон не отключается. И детвора облепила свою любимую мамочку. Сработало! Ниночка, внучки, благословенного вам дня.

Контролирую дальше детские сборы. Неожиданно Тихон подпрыгивает вверх, привлекая к себе всеобщее внимание, и кричит, то есть объявляет:

– Внимание! Тишина в студии! Говорит Большой Падун Чан-Ручей Щучье! Звонок папы с вахты!

Мы стали собираться вокруг глашатая. Сын, нажав кнопку разговора, поджидал всех нас. Убедившись, что семья в сборе, начал отвечать:

– Але! Папа, привет. Да вот, собираемся потихонечку. Все как всегда. Нет, никто не болеет, двоек не получает, деньги и еда есть.

Старший сын обмяк лицом и сменил интонацию. Голос его теперь звучал не утвердительно, а просительно:

– Пап! Мы так соскучились. Давай приезжай к нам, а?

Не знала я, что сын мужу на жалость давить начнет. Начинаю показывать Тише различные запрещающие жесты. Детвора моя стала смеяться: больно стала похожа я на футбольного судью. Не хватало только желтой карточки в руке! Вот и она. Правда, не желтая, а красная. Подхватила со шкафчика маленькое дамское зеркальце. Было оно снаружи инкрустировано красными завитушками. Встала позади Тихона, играя сейчас на публику. Сын продолжал говорить отцу о том, как нам его не хватает. Как братьев не отпускает мама без папы на байк-шоу, и т. д. и т. п. Я поднесла кулачок боком к своим губам. Дунула в несуществующий свисток. Встала сбоку от сына. И вскинула из-за спины вверх красное зеркальце, смотря ему в глаза.

Дети покатались со смеху. А я так и стояла, широко расставив ноги, с поднятой вверх «красной карточкой». Тихон все понял и начал закругляться:

– Ты не слушай меня, пап. Нормально все у нас. Просто без тебя наше «нормально» – это не полное «нормально»!

Через включенную громкую связь мы услышали довольный папин смех, после которого наступила краткая пауза, и муж попросил:

– Ксюша, деточки мои родные. Я вас люблю. Помолитесь за меня, грешного. Пока. – Короткие гудки понеслись по эфиру.

Дети мои притихли. Так не пойдет. Надо их отвлечь. Говорю:

– Все слышали? Папа просит помолиться за него, – и первая совершаю крестное знамение. – Господи, спаси и помилуй раба Твоего Андрея.

Дети вздохнули, помолились и пошли за рюкзаками. Верочка воодушевилась. Она встала перед святым углом, покрестилась:

– Боже, милостив буди папе, грешному.

Все, кто это услышал, стали улыбаться. Потому что не принято именно так молиться за человека.

Я благословляю* детей на дорожку.

Глава II.

Двое из ларца, одинаковых с лица

Громкий стук в дверь заставил меня вздрогнуть. Не жду никого. И подходить чего-то не хочется. Чего не звонят-то?! Притаилась я. И подошедшей доче показываю палец, приложенный к губам.

За дверью ни звука. И опять: громкий, требовательный стук. Верочка убежала в детскую и вернулась, укрытая с головы до ног верхним покрывалом.

Да, дочка, тебе это игра! А мне как-то не очень. В следующую секунду она взяла бразды правления в свои руки. Скинула покрывало. Подошла на цыпочках к двери. Прислушалась да как крикнет:

– Девочки, девочки мои пришли. Мама, это Уля с Фимой*.

Ее голос услышали по ту сторону двери и обозначились:

– Ксения, у вас звонок сломался. Это Тимофей с девчатами, открывай давай.

Слава Богу! Брат пришел. Открываю дверь и прихожу, как говорится, в себя.

– Привет!

– Привет! Уля, Фимочка, дайте я вас поцелую. Какие молодцы, в гости заехали.

Вера, никого не спрашивая, начала помогать сестренкам снимать обувь. Обе они года на полтора меньше моей младшенькой.

– Стоп, стоп, стоп! – останавливает ее движения Тимофей. – Погоди, Веруня, погоди. – Дочь начала расстраиваться не на шутку, а брат продолжил: – Сегодня утром мне из группы «Живи не тужи...» рассылка пришла. Оказывается, у Ули нашей день Ангела*. Я вспомнил, что в четверг по утрам ты часто дома бываешь. Давай, милая, а? У меня в это время на работе всегда производственное собрание. Я там план недели составляю и раздаю работникам.

Он говорит это воодушевленно, но быстро. И я не могу полностью уловить весь смысл сказанного. Стою в растерянности. Тимофей понял и перевел:

– Ты, ради Христа, свози моих девочек на Причастие в Церковь вашу. Ту, которая рядом стоит. Потом сидите дома и ждите меня или Настю. Кто-нибудь приедет, заберет их от тебя. Договорились?

А я чего-то главного не могу о себе вспомнить. Никак! Братик, видя мое замешательство, заманивает:

– Я в долгу не останусь. У тебя скоро дняха. Шикарный торт приготовят тебе по заказу. Угодил?

Как услышала слово «торт», все встало на свои места. Улыбаюсь и, конечно, отвечаю:

– Да, дорогой мой! Свожу, посижу, дождусь, передам.

Мы посмеялись, обнялись и попрощались. Вера с девочками стали хлопать в ладошки и прыгать на месте.

– В Церковь, в Церковь. Поехали, мама. – Вера тянет меня за руку к выходу.

Я упираюсь:

– Ты что? В халате, что ли, мне ехать? В храм надо прилично одеться, – и пошла переодеваться по-быстрому.

Короткие и поспешные сборы окончены. Вышли из квартиры. Подошли к лифту. Началось соревнование: кто дотянется до кнопки? Победила Веруня. Но в шахте стоит тишина. Совсем не слышно никаких звуков. И кнопка не загорелась. Пошли пешком на выход. Помогая детворе на последнем повороте, успеваю прочитать объявление: «Товарищи жильцы! Лифт вниз не поднимает!» Улыбка растянулась на моем лице.

Машина наша, «Ларгус», не завелась. Гремит, визжит, потом молчит. Надо воспринимать трудности как приятные задачки, которые необходимо решить. Что сейчас я могу предпринять такого-этакого? Сидят Вера, Ульяна и Фимочка позади. Какой день интересный! Толком и не начался еще, а уже столько случилось!

Сидя в машине, вызвала такси до Церкви. Оно подъехало так быстро, будто стояло за нашей аркой. При таксисте выходим из нашей машины и направляемся к нему.

– Здравствуйте, – начинаю я, – это вы на Церковном заказе?

Таксист, немолодой узбек или кореец, оглядел меня с ног до головы. Потом оглядел поочередно мою свиту малюсеньких фрейлин. Выключил мотор, свое радио и лениво ответил:

– Я с детьми не повезу. У меня кресел нет, – и продолжает стоять, не уезжает.

Понятно! Давлю на жалость:

– Ну подвезите. Две остановки всего. Просто куда мне с такими маленькими ножками? – Делаю движение рукой в сторону девочек.

Таксист молчит, но и не уезжает. Я поменяла тактику:

– Уважаемый! Мы что, в Америке уже живем?! – и демонстративно оглядываюсь по сторонам.

Не успела я вернуть голову в обычное положение, как услышала звук заводящегося мотора. Ничего не говоря, водитель включает скорость. «Он не тратит на разговоры со мной свое время, – подумала я. – Сейчас тронется с места – и до свидания! Это тебе, Ксения, духовная наука».

Улыбнулась и мысленно произнесла: «Благодарю Тебя, Господи, за все, благодарю. Люблю тебя, водитель, люблю». Взяла девочек за руки и собралась отойти от машины подальше. Но водитель высунулся в окно.

– Эй! Вы куда?! Запрыгивайте.

Девочки, до этой минуты стоявшие безучастно, разом повеселели и подошли к дверце. Сказано – сделано. Таксист, видимо, оказался патриотом.

Спокойно доехали до часовенки* в честь Сорока мучеников Севастийских. Спокойно вышли. Спокойно покрестились и направились к главному входу. Слышим за спиной голос мужчины:

– Подайте, ради Христа, на хлеб!

Откуда он взялся? Когда проходили, его там не было.

Девочки смотрят на меня и тянут ручки, хотят получить монетки и отдать просящему. Маленькие, а все понимают. Копошусь в сумке, достаю и даю по десять рублей каждой девочке. Сама, подумав, достала пятьдесят рублей. Ну, кто первый? Учю девочек:

– Подайте и скажите: «Ради Христа возьмите».

Прозящий пожалел о том, что не имеет трех рук. Кому отдать предпочтение? У кого взять первой? Победила Фима, стоящая чуть позади сестер. Потом подаяние было взято у обеих оставшихся. Наступила моя очередь.

– Помяни моих родителей, Николая и Евфимию.

– И все? Че так мало? Надо всегда всех-всех называть, – учит он меня. – Кто там у тебя еще есть? – и крестится, собираясь молиться за следующих.

– Да у меня их много. Вы со сродниками помяните.

Но мужчина настаивает. Хорошо, воля твоя, я не тороплюсь.

– Протоиерея* Василия, протоиерея Евгения, протоиерея Николая, протоиерея Николая, протоиерея Валентина, протоиерея Стефания, протоиерея Алексия, протоиерея Димитрия, протоиерея Анатолия, иерея Аркадия, иеродиакона Илиодора, иеродиакона Иосифа, иеромонаха Иустина, иерея Сергия, иерея Игоря, Николая, Евфимии, Иоанна, Николая, Павла, Сергия, Иосифа, Иакова, Макария, Маврикия, Симеона, Серафимы, Неофита, Агапита, Иоакима, Анны, Григория, Евстратия, Елизаветы, Никифора, Виктора, их же веси судьбами, – и оста-

новились на полуслове, считая совершенно достаточным услышать ему с непривычки столько имен.

Вдохнула полной грудью, сделала шаг к входной двери. А девочки вовсе успели войти внутрь. Но мой молитвенник не унимается. Он крестится* сам и меня поучает:

– Опять?! Говорю тебе: всех давай. Не доходит до тебя, что ли? – Руки в бока у него.

Мне бы уйти. Но любовь к ближнему вырабатываю. Вспомнилось: «С попросившим тебя пройти одно поприще пройди два».

– Мил человек, их у меня много. Спаси тебя, Господи*. – Слегка поклонилась в его сторону. Но он загородил дорогу.

– Складываешь три пальца, – с воодушевлением показывает. – Крестишься и называешь имена.

Хорошо, дорогой, давай, начинай молиться. Я глубоко вдохнула и продолжила:

– Арины, Анисии, Агриппины, Капитолины, Анатолия, Никодима, Софии, Пелагеи, Параскевы, Григория, Александра, Николая, Николая, Вячеслава, Марии, Ксении, Ксении, Льва, Алексия, Фотинии, Евгения, Петра, Марии... – Закрывает глаза и говорю, говорю, говорю.

Кожа уловила легкое движение воздуха возле лица. Открыв глаза, я увидела моего молящегося, ходящего взад-вперед передо мною. Мне бы остановиться. Но душа попала в сладостный поток будто общения с усопшими близкими. И вот они ждут, когда я назову их имя.

– Галины, Виктора, Валентины, Валентины, Александра, Александра, Фотинии, Александра, Александры, Марии, Ирины, инока Михаила, монаха Василия, Валентина, Надежды, Ольги, Лии...

Люди прошли в храм так близко от меня, что стало понятно: молитвенника рядом нет. Девочки внутри храма, видать, попали в добрые руки знакомых бабушек. Я продолжаю вполголоса:

– Вадима, Вадима, Александра, Виталия, Николая, Владимира, матушки Надежды, Наталии, Екатерины, младенца Иоанна, Анны, Антонины, Анастасии, Елены, Елены, Георгия, Бориса, Матрены, Марфы, Василины, Сергия, Наталии, Димитрия, Аграфены, Харитины, Петра, Захария, Тихона, Валентина, Марии, Филиппа, Раисы, Клавдии, Николая, Владимира, Анатолия, Варвары, Татьяны, Николая, Владимира, Гликерии, Анны, Сергия, Наталии, Наталии и всех усопших православных христиан.

Окончила я свой неполный поминальный список*. Открыла глаза, покрестилась, поклонилась на золотой крест над синим куполом. Развернулась и пошла. Мой учитель остался позади, сидящий на детской церковной площадке. Обмякший, грустный. Взявшись за ручку входной двери, услышала его окрик:

– Ты по кладбищу ходила, что ли, и имена переписывала?!

Этот его риторический вопрос остался без ответа.

Храм в честь Сорока мучеников Севастийских находится ближе всех к нашему дому. Много лет при нем служит иеромонах* Назарий. Друг друга мы знаем лично. Я, бывало, и помогала чем могла: молебен провести, территорию вокруг храма почистить, цветы посадить... Церковь по площади маленькая, но высокая и уютная.

Достаю телефон, чтобы отключить звук, и вижу восемь пропущенных вызовов от неизвестного. Интересно! Перезваниваю.

– Але, я слушаю.

– Але, а кто это говорит? – Голос показался мне знакомым.

Как представиться? Не зная, кто на том конце провода, перебираю возможные варианты представления: баба Ксюша, тетя Ксения, Ксения Николаевна. Давай по-простому!

– Ксения Свистун на проводе.

– Ксения Николаевна, доброе утро! Вам завуч Монастырский звонил, вы трубку не подняли. Поручил мне вам названивать.

– Хорошо. Я рада. Говорите, – стоя у двери храма, продолжаю я.

– Учитель по славянскому* языку улетел на Камчатку. У ребят пара освободилась. Вот завуч и решил ее вам отдать под Устав! Вы приедете сегодня?

– Я бы рада, но в сию минуту в храм захожу. И дети у меня на руках. Трое малышей. Так что...

– Отлично. Перед обедом служба окончится. С детьми определитесь – и к нам в монастырь*. Там еще дело какое-то для вас важное есть.

– Поняла, если с обеда – постараюсь. Да, точно буду. Ставьте пару Устава*. У вас все?

– Да. Всего хорошего!

– С Богом!

Захожу внутрь. Лепота!* Светло, уютно и не душно. Хористы* увидели меня сразу, так как поют они внизу, возле солеи*. Регент* Галина энергично машет мне рукой, зазывая присоединиться к служению. Но мне сначала надо девушек найти. Стою на месте, оглядываю весь храм. Не увидела. Собралась выйти на улицу, их поискать. Может, кто-то вышел с ними?

В эту секунду появляется из закуточка с крестильной купелью* Вера моя. Молодец, идет тихо, при этом оборачиваясь и показывая кому-то пальчик, приложенный к губам.

Хор начал петь. Что это?! За Верой вереницей идут Уля, Фима, еще малышка и еще два мальчика. Позиция у меня замечательная. Зная дочкино «а давай-ка...», решила понаблюдать. На очередном ее выраже останавливаю Веру:

– Я петь пойду. Меня не теряй из виду. Если хотите, приходите ко мне на клирос. Но только тихо. Ладно?

Вера вновь приложила пальчик к губам и пошла дальше по храму со своим взводом к чудотворной иконе «Августовской».

Благополучно добравшись до певчих, я затащила партию третьего голоса*, которого как раз сегодня не хватало.

– Хвали душе моя, Господа*...

Служим. Я изредка поглядываю на моих девчат. Всё! Наигрался отряд малышей. Тихой вереницей приближаются к клиросу, как короли и королевы. А как же, все прихожане посторонились, уступая им дорогу. Встали мои и сторонние малыши на клирос. Регент с певчими расположились плотнее.

Один пономарь*, лет восьми, вышел из Аилтаря, неся темно-зеленые свечи*. И видно по нему: служить он с ними не может, а выкинуть жалко. Мальчик отдал их матери, певчей. Она свечи положила на клиросную тумбочку. Я разглядела их получше. Видимо, ручной работы. Свечи как свечи, но зеленоватые. Поставят дети потом, да и все.

Маленькому отряду наличие этих необычных свечей мешало сосредоточиться на молитве. И они отправили почему-то ко мне посла. Я раздала по одной свече каждому дитятке и показала рукой на детский подсвечник. Мол, идите, ставьте.

– Господи, помилуй... – Клирос поет слаженно.

Ушли дети, но вернулись в недоумении, потому что свечи сверху покрылись черной копотью. Возвращают малыши свечи с сожалением. Как говорится: «Ушли несолоно поставивши свечи».

Одну свечу я взяла в руки и стала исследовать. Трогаю, зажимаю. Впечатление такое, будто воском облили какие-то палочки. А фитиля вообще нет! Наклоняюсь к Вере.

– Потом посмотрим. А вы с девочками и мальчиками порисуйте пока. Вон там листочки и ручки, – показываю на детский столик сбоку в храме.

Прихожане запели «Отче наш». Где дети? Скоро Причастие. Вера идет быстрыми шагами к главному аналою*. Чудеса! Она знает ход службы!

Наступила пауза в пении. Чтец принялся за молитвы. Священник вышел на исповедь*. Я люблюсь моими девочками и слышу шепот певчих. Одновременный. Что-то не то! Повора-

чиваюсь к ним. Взоры их устремлены в одну и ту же сторону. У всех. Иду по траектории глаз, устремленных воедино, и вижу...

Стоит полная девушка с длинными косами. Исповедуется. Но как! Она не произносит ни слова, ни полслова. Она разговаривает со священником жестами рук, одновременно выражая на своем лице те или иные эмоции. Немая! Немая исповедуется? Не по бумажке, а вживую? Мне показалось, прихожане не обращают на нее ни малейшего внимания. Привыкли. А я вижу такое впервые. Надо, но не могу оторвать свой взор. Вот она показывает движения, похожие на зачерпывание ложкой. Теперь девушка усиленно стучит по лбу и кивает с сожалением головой. Дальше исповедница широко открывает в немом крике свой рот и делает суровое лицо.

Так, Ксения! У тебя совесть есть? Быстро проси у Бога прощение. И не забудь сама на исповеди в субботу покаяться и в этом грехе. Только без рук!

Первая на Причастие выстроилась детская очередь. Я стою, держа моих близняшек за руки. Мысленно повторяю: «Синяя курточка – Уля. Голубая курточка – Фимочка». Знакомая бабушка Люда бочком подбирается ко мне и шепотом предлагает:

– Давай мне одну, на Причастие пронесу.

я наклоняюсь к Фимочке и спрашиваю:

– Пойдешь с бабой Людой к Причастию?

Племянница бросает беглый, испытующий взгляд на соискателя ее руки.

– Да.

Сама взяла претендентку за ладошку и потянула к началу очереди. Скромностью не страдает моя девочка.

Мы с Улей стоим в самом конце очереди. Зажегся свет, открылись Царские врата, выносятся Причастие в чаше*. Весь храм, кто в состоянии, делает земной поклон. Уля внимательно смотрит на все это. В тот момент, когда молящиеся поднялись с колен, Уля решается. Она садится на корточки, потом на коленки. Кладет свои ладони на пол. Делает земной поклон, целуя при этом свою ладонь. И чего она у нас таким образом земной поклон исполняет? Подрастет, как следует объясню ей. Уля начинает подниматься другим способом. Сначала выпрямляет полностью ножки. Затем подбирает к ногам поближе тело. А голова-то устала! Опускает ее вниз слегка и встает. И вдруг ей открывается такая картина: люди все вверх ногами стоят! И никто этого не замечает! Встав удобнее, она сильнее прогибает голову в сторону храма. Платок с головы начинает медленно сползать к полу. Лицо наливается багряным цветом.

Уля, стоп! Прихожане, продолжение следует. Осторожно разворачиваю и поднимаю мою кроху.

Началось причастие. Счастливый и трогательный момент. Подошла наша очередь. Поднимаю наверх, до Чаши, Улю.

– Иулиания.

Батюшка медлит причастить племянницу, пристально вглядываясь в ее личико. Потом переводит взгляд на сопровождающего. Узнает меня. Поправляет свои очки на переносице.

– Ксения, я ее причащал уже.

Моментальная улыбка озарила мое лицо. Губы растянулись так, будто им не было преграды. Все так же улыбаясь, я киваю головой на детей, столпившихся за просфорами с запивкой после причастия.

– Батюшка! Они совсем близняшки. Двое из ларца, одинаковых с лица.

Настал черед священника улыбнуться от души. Одна только Уля сидит на моих руках, смиренная и серьезная.

– Причащается младенец Иулиания... Аминь...

При последнем целовании креста мы с батюшкой улыбнулись, вспомнив ту ситуацию во время причащения с одинаковыми племянницами.

Я окружена моим отрядиком. Но он не торопится домой. Поправляя детям платья, увидела лежащие на тумбочке зеленые свечи. Так, Ксения! Спросить – стыд одной минуты. А вот не знать – стыд всей жизни!

Подходит ко мне незнакомая прихожанка, протягивает пакет.

– Возьмите, ради Христа. Детям. – Все как всегда.

Я так хотела со вчерашнего вечера грушу, просто челюсть сводило! И вот она, красавица, лежит в пакете. Но сказано: детям. Я иду поперек всех приличий и спрашиваю женщину:

– А мне можно?

Она так посмотрела на меня, будто увидела инопланетянина.

– Да-да, конечно. Всем вашим и вам, само собой, разумеется. – Смутилась, но четко ответила. Вот и ладненько.

Держа в руках зеленоватые свечи, спрашиваю уходящего певчего:

– Вадим Петрович, все-таки как они зажигаются?

Тот в ответ заливисто смеется, зная мой необидчивый характер.

– Ты что, Ксюша? Это семена платана! Недозревшие! Вон деревья во дворе растут!

Этого я не ожидала! Оказывается, это семена. Мы с Вадимом смеемся. Девочки и мальчики не в курсе, но хихикают с нами за компанию. Пора и честь знать!

Редко попадаю на природу. Захотелось пройти до дома пешком. Не прямо по улицам, а по диагонали. Вдоль зеленых насаждений. Сквозь крохотные дворики. И через замечательный маленький мостик. Как сказано, так и сделано.

Долго ли, коротко ли мы так шли? И молчали. Это было удивительно. Девочки срывали понравившиеся им листья и цветы. В этот раз насчет цветов я никому замечания не делала. Обычно не разрешаю красоту портить. Но сейчас! Очень понравилось: просто... пребывать!

Наш путь пролегает вдоль двухэтажного дома. В глаза бросается яркий листок, зазывающий прочитать его содержимое. Девочки обнаружили очередную посадку цветов и сейчас все заняты только ею. Я присела на скамейку, одновременно издали намереваясь прочитать кричащее объявление. Прочитала. Вот оно: «В воскресенье в 18:00 у этого подъезда проводится собрание. На повестке дня – выборы домового».

Проходя наискосок очередной двор, дети заметили яркую модную детскую площадку... Конечно, я им не отказала в просьбе! Тем более видела, как Вера полностью взяла над близняшками шефство. Дети веселою гурьбою налетели на карусели. Выбрали из них самую маленькую. Водрузились и сидят. Я вслух засмеялась. Нормально! Сели и сидят. Правильно! Сим-сим, поехали, что ли? Присела на скамью, устало облокотилась на колени и нагнулась вперед, всем своим видом показывая, что я девочкам в этом деле не помощник. Вера все поняла. И пока близняшки наивно смотрели в мою сторону, она соскочила и стала раскручивать карусель. Молодец! Уважаю! Все понимает!

Идем с детьми дальше, к дому. Идем – это громко сказано. Скорость наша явно снизилась. Детей смаривает сон, надо укрепить их в этой мысли.

– Сейчас покушаем, – весело говорю я, – в кроватку ляжем, – я прямо само счастье и блаженство в их глазах, – одеялком накроемся – и...

– Э-э! – трясет отрицательно головой Улечка.

Да проходили мы это! Как говорят: «Куда ты денешься? Влюбишься и женишься!»

– Не-не, дорогая, ты что? Какой спать? День на дворе! Просто отдохнут глазки, ручки. Ножки отдохнут – по дорожке побегут, и все. А то придумала тоже – спать! – успокоила я детей.

Вот моя улица. Вот мой дом родной. Вот и мой подъезд. Усталость мою сдул ветер веселья. Наконец мы дома.

Покормила. Повела всех в спальню. Включила им аудиорассказы Юлии Брейдаковой. В аудиокниге есть крохотный момент, когда герой поет молитву. Как только ручки у засыпающих слегка стали подергиваться, я встала, чтобы уйти. Но не тут-то было! Рука Фимы потяну-

лась в потолок, потом на закрытый глазик, потом в правое ухо, на левую ключицу. И осталась лежать в таком состоянии. Оказывается, так тоже бывает! Удивительны дела Твои, Господи! Во сне молится младенец!

Села поработать. Стала дальше набирать в «Ворде» книгу «Архиерей служит литургию в хуторе. На клиросе поет одна бабушка». Очень просили. Смотрю на часы. Пора уже и братику позвонить. Да не позвонить, а приехать.

Легок на помине. Звонок от Тимофея.

– Але?

– Але!

– Как вы там?

– Как вы там? – Мне вспомнилось детство. Играю в словесный мячик.

– Але, Ксюша, ты на связи?

– Але, Тимоха, ты на связи?

– Ха-ха-ха! – Брат понял мое настроение. – В общем, такие дела: у меня так все закрутилось, то есть вообще не отойти. Приедет Настена за близнецами. Где-то в районе получаса. Можешь собирать их. Люблю тебя. Пока!

Все ясно. Работа, работа. Все правильно и все ясно. Приедет за ними мама. Жду.

Вовремя подросла Настя, да не вовремя возвращаются из школы мои ученики. Передо мною выбор: или Веру с собой брать в монастырь, или просить невестку посидеть, школяров дожидаться. Угадайте, что я выбрала? Правильно!

Веру оставила дома с тетей Настей. Выбежала в подъезд. На последнем лестничном пролете посторонилась. Моя приятельница, наверное, перепутала наши подъезды.

– Привет!

– Привет! Остановись, не беги, – начала она.

А я не имею возможности позволить себе роскошь остановиться.

– Ой, извини, милая! Мне только бегом сейчас.

Считая нашу встречу оконченной, делаю шаг вниз.

– Да стой ты! Я к тебе иду!

Видя мой открытый от удивления рот, она взяла мои ладони, переложила туда свои пакеты и говорит:

– Ксениечка Николаевничка! Сколько лет мы с тобой общаемся – и ни разу друг друга не подводили. Давай и сегодня поступим так же? Прошу тебя: отнеси эти лекарства и питание в наш роддом. Там лежит сестрина родственница, сноха. Она матушка.

«Какой идет длинный, полный моего удивления день!» – подумала я так и взяла пакеты с необходимым.

– А почему не сама?

– Да приболела. Мочи нет. Лежу и лежу, – с готовностью ответила она. Хотя по ее виду положение дел было очевидным. И склонялась приятельница все ниже и ниже, к ступеням.

Я молча взяла пакеты, листок с именем и побежала на остановку, направив ноги во Всецарицынский монастырь. Подвернулась подходящая маршрутка, и я воспользовалась этим. Войдя в маршрутку и усевшись с роддомовскими пакетами, я с улыбкой подумала: «До кучи! Буду решать проблемы по мере их поступления. Сначала урок. Дальше – видно будет».

Глава III.

Да, это ненормально!

– На «Гипрозе» остановите, – громко прошу я водителя. Хватит сидеть мне в мягком салоне.

Монастырь расположен на перекрестке нескольких городских дорог. Много остановок вокруг. Я вышла из маршрутки и побежала. Вернее, не побежала, а быстро пошла. Насколько мне позволяли два полных роддомовских пакета.

Богословский корпус. Нужный этаж. Нужный класс. Нужная дверь. А вот запасной, третьей руки нет!

На мое счастье, проходил мимо батюшка Михаил, преподаватель патрологии*. Он-то и открыл мне с участием дверь.

Войдя в класс, увидела сплошь удивленные лица братии. Да, простите. Не ждали? А я вот она!

– Со святым днем, братья! – смотрю на большие часы. О! Я не опоздала, молимся...

Справившись благополучно с размещением пакетов, осмотрела парты. Ни Богослужбных книг, ни схем. Ничего такого, что указывало бы на урок Устава. Староста просит слова.

– Извините, Ксения Николаевна. Мы к славянскому приготовились.

– Отлично, – отвечаю энергично. – Сегодня возьмем по Уставу темы, где вам предстоит много читать. Совместим полезное с нужным.

Ребята повеселели.

Назначила несколько студентов, ответственных за прибытие в класс Богослужбных книг. Братья успокоились.

Из всех предметов, какие преподаю, Устав – мой самый любимый. На этих уроках я действительно «всякое житейское откладываю попечение».

Гляжу в журнал. То, что у меня тут два Васильевых, это я уже запомнила. Потому что, как только вызову для ответа Васильева, всегда двое встают. А вот еще что-то такое вылетело из головы. Смотрю на инициалы первого: «А». Ну, значит, «А». Так и объявляю.

– Васильев А., как отличить епископа от просто монаха, если оба стоят рядом в черном монашеском облачении и клобуках? – поправляя книги на своем столе, задаю вопрос.

Поднимаю глаза. А тут... опять двое стоят! Оба Васильевы. Ну, ребята, давайте разбираться.

– Вы чего опять вдвоем встали, а? – стараюсь грозно спросить. – Я поняла уже, что вас двое в группе, поэтому и сказала: «Васильев А.».

Дружный добродушный смех волной покатился по аудитории. Я сидела с видом человека, у которого исчезло из рук пирожное, которое он вот-вот собирался съесть!

Тот, что постарше, поясняет, едва не переходя на долгосрочный смех:

– Ксения Николаевна, мы оба встали потому, что мы оба «А». Гы-гы-гы! Вот и смешно нам. Но мы привыкли уже, как близняшки поднимаемся на всех парах, и все, – веселятся братья и хохочут.

Так! Ясно! Озарение пришло неожиданно.

– Твое отчество каково, мил человек? – обращаюсь я к тому «А», который постарше.

– Федорович. Анатолий Федорович! – ответил мне студент, ничего не понимая.

– Отлично! – Я встала, протянула в его сторону вытянутую руку с указующей ладонью, смотря на всех ребят по очереди, подражая древнему глашатаю. – Отныне ты будешь именоваться Анатолием Федоровичем. Всегда. Во избежание такой вот путаницы и непредвиденных остановок во время урока, – договаривала я уже в комнате смеха.

В дальнейшем многие любопытные люди спрашивали меня о том, почему одного из студентов я величаю по имени-отчеству?

Настроились на Устав при помощи «Блиц-опросника»*, который находится в книге «Стовопросники» на сайте «Ридеро».

Возгласы, возгласы, книги, книги, стихиры, отпусты. Рождественский сочельник!* Ребята с интересом составляют службу, пользуясь и схемами, и Типиконом*, и записями. Только не Богослужебными указаниями! С ними любой человек составит службу! Еще успеют в жизни, когда служить начнут. А вот без БУ на уроке – это как раз лакмусовая бумажка приобретенных знаний.

Мне остается сейчас проверить то, как они усвоили новый материал. Заметив, что производительность слегка упала, привлекаю внимание к себе и даю им отдохнуть. Они, конечно, об этом и не догадываются.

– Братя, вы обратили внимание на то, что в Рождественский сочельник всегда служитя еще и служба святой преподобномученице* Евгении? Всегда. Каждый год! А что за Евгения, какая Евгения, чем прославилась, знаете?

Николай, староста группы, тянет руку.

– Николай, расскажите.

Сдержанный смех прокатился по аудитории.

Так! «Я его опять Николаем назвала?! О! Но ведь он Георгий. Почему, Господи? Почему?! Почему я его каждый раз называю Николаем, когда знаю, что он – Ге-ор-гий?»

– Простите, Георгий! – прошу я.

– Ничего, Ксения Николаевна, я привык уже. Преподобномученица Евгения была игуменом мужского монастыря. Пострадала за чистоту. Была игуменом, но от сана отказывалась категорически. По ложному навету в надругании над женщиной осуждена была на показательную смерть на арене стадиона. Вот там она и разделась, и все увидели женское естество. После этого ей пришлось пострадать мученически за Христа. И сам Бог явился ей, заверив в своей любви, указав на скорую смерть в день своего Рождества, – проникновенно рассказывает Георгий-Николай своему притихшему курсу.

Все молчат, каждый думает о своем. Я не прерываю Георгия. Смотрю по сторонам – и вижу такое! Можете представить лица тридцати братьев, обращенных в вашу сторону? Все они перенесли сейчас в то далекое время. Но один из них, Серега Афганец (так за глаза называли его ребята за службу в Афганистане), сидел на первой парте всегда один. Это я так настояла. Много раз во время урока приходится мне подсаживаться на его скамью, к его книгам, побуквенно научая составлять службы. Так вот он один как раз и плакал. Тихо, беззвучно катились слезы по его щекам. Он делал определенные усилия, стараясь не вздрагивать плечами. Глаза его покраснели. Он один! Вот тебе и солдат! Пришлось дать ребятам перерыв. Пусть проветрятся.

По обычаю, кто-либо не желает гулять и остается слоняться или сидеть в классе. Для таких у меня всегда припрятаны отдельные темы, содержание которых они должны в дальнейшем, при оказии, передать отсутствующим братьям.

Милостиво они дали мне посидеть молча пару минут. Вопрос одного из них готов был сорваться с языка, но я его опередила:

– Мученики и страстотерпцы – это кто такие? – навалившись на спинку стула, тихонечко вопрошаю я.

– Ну, это кого убили за веру во Христа, – уверенно сообщает Петя.

– Правильно! А почему и мученики, и страстотерпцы? Почему одного святого называют мучеником, а другого – страстотерпцем? – замешиваю я кашу.

Ребята не знают четкого ответа, но все равно отвечают:

– Молодых и старых по-разному зовут.

– В одной стране таких называют мучениками, а в другой – страстотерпцами.

– Не-е-е! В зависимости от года, в котором они пострадали, их называли мучениками. А других, позже пострадавших, стали называть страстотерпцами, – довольно уверенно отвечали мне братья, «ничтоже сумняшеся», как говорится!

Я и не ожидала других ответов. Ну что ж, Ксения, время твоего монолога настало. Сделав многозначительную паузу, я начинаю мини-лекцию:

– Расскажу вам историю, реальную. Случилась она со мной. Интернета тогда совершенно не было. Сколько-то много лет назад у меня возник вопрос: а почему одних мучеников называют мучениками, а других мучеников называют страстотерпцами? Стала я задавать его всем встречным и поперечным людям. И батюшкам, и матушкам, и монахам, и даже одному игумену. – Очень хочется рассказать братьям все в красках, но у меня не урок по житиям святых. А всего лишь перемена. Ребята притихли. – Одни люди отвечали на мой вопрос так-то. Другие – вот так-то. Наподобие ваших уверенных ответов. Некоторые говорили нечто невразумительное, во время разговора подыскивая подходящий ответ. И поняла я, дорогие ребята, что правды никто из них мне не сообщил. Не убедили они меня, понимаете?

– Да, да, – закивали головами студенты.

Начали подтягиваться возвращающиеся с перемены. С большим любопытством присаживались на свои места, стараясь уловить суть нашей беседы. Я вздохнула, вспоминая те времена неведения и мою грусть по этому поводу. Продолжаю:

– Однажды отправили меня от нашего центра с несколькими другими коллегами в Москву на Рождественские чтения*. Поселилась я в гостинице. Хорошо устроилась. А там, в Москве, такая система. Открывает чтения огромный концерт. В зале Церковных Соборов в храме Христа Спасителя. Президиум, выступления владык, все дела. Во время долгого перерыва все участники ходят по вестибюлю. Берут себе толстые книжки, которые являются программами чтений. Таким образом все устроено, что каждый приезжий может самостоятельно составить себе график посещения лекций. Естественно, выбирая интересующую его нишу.

Ребята в полном составе вернулись с перемены и заполнили собою аудиторию. Сидят, внимательно слушая. Лишь Алексей стал шуршать страницами Октоиха и раскладывать по парте тяжелые богослужебные книги. Промелькнула мысль: стоит ли продолжать?

Не успела я ее оформить до конца. Староста развернулся к Леше и прижал его ладонь к парте, тем самым молча указав ему сидеть и не шуметь. Я поняла почти общее желание братьев дослушать историю до конца. Рассказываю дальше:

– Один из дней на чтениях я посвятила нише «современные мученики». Нас собрали в Доме писателей, в огромном уютном зале. На сцене стали выступать один за другим докладчики. Каких только там тем не было! И современные мученики, и законы канонизации, и новые сведения о канонизированных ранее святых. Нам даже раздали буклеты с правилами канонизации* в РПЦ. Объяснили, почему не могут канонизировать Женю Родионова и т. д. Настал черед выйти на сцену с докладом женщине из какого-то монастыря. Она бодро взошла на кафедру, разложила свои листы и стала повествовать. Тема показалась мне очень необычной: дети-мученики. Я сидела, слушала. И каждое ее слово отзывалось в моем сердце.

Я замолчала, вспоминая те волнительные мгновения. Одновременно где-то далеко-далеко голос совести мне шептал: «Ксения, у тебя урок по Уставу». А мне так хочется поведать братьям обо всем, что я мысленно ответила ей: «Милая, сейчас, сейчас, обещаю тебе: какой-либо мой обед полностью проведу за книгами по Уставу со студентами, по очереди». И, подгоняя себя, продолжила:

– Докладчица никак не могла дочитать свои строки до конца. Она начинала плакать. И весь зал из нескольких сотен человек молча ждал ее, внутренне переживая такие же эмоции. Долго ли, коротко ли, но доклад окончился, и она зашла за кулисы. Я встала и тоже побежала за кулисы в надежде расспросить ее о мучениках. Встретившись с нею там, я представилась

и обо всем поведала. Она дала мне адрес своего научного руководителя – какого-то игумена*. И добавила к этому, что он знает вообще все и чтобы я написала ему письмо. Больше мне ничего у нее узнать не удалось, так как она продолжала постоянно плакать.

Я остановила свой взор на старосте.

– Юрий! Продолжение на следующей перемене? – прямо спросила.

– Не-е-е!

Братья вместе со старостой ответили так дружно, что я не удержалась:

– Вы что, репетировали? Я постараюсь быстро. В общем, написала я игумену письмо. Ответ он выслал на адрес нашего центра. Я с нетерпением прочитала его в первые минуты. Там четко и ясно указано. Слушайте, ребята. Мученики – это святые люди, которых умертвили за веру во Христа чужие люди. Чу-жи-е, – говорю я по слогам. – Или по вере, или по национальности. А страстотерпцы – это святые люди, которых тоже умертвили за веру во Христа. Только свои люди. Сво-и. Или по национальности, или по вере. Представляете?

Гул пронесся над партами. Мне вдруг стало ясно, что надо сворачиваться с переменной и вырливать на Устав. Времени в обрез, но нужно успеть составить до конца урока еще одну службу.

Смотрю на ребят. А настрой у них совсем не учебный. Все переговариваются друг с другом. Да, заварила ты кашу, Ксения. Сама и расхлебывай. Думай. Так-так-так! Есть решение!

Бодро прохожу между рядами парт. Торжественно и громко говорю:

– Друзья! В память обо всех мучениках-детях составим службу семидесяти двум святым мученикам, со святым Исидором в Юрьеве Ливонском пострадавшим. Память восьмого января. Остальное – самостоятельно. Составьте только вечерню. Первый вариант – по знаку Типикона на воскресный день. Второй вариант – Престол* в будний день.

Какой нескончаемый сегодня урок. Воистину, Бог и растягивает, и сокращает время.

Через семь минут первые поднятые руки стали призывать меня на проверку задания. Я шагаю по ряду, и глаза мои фиксируют слишком склоненного над книгой Сережу Афганца. Подозрение сразу закралось в мои мысли. Я остановилась, наклонилась пониже, незаметно заглядывая ему в лицо. Так и есть! Сидит мужик, прошедший настоящую войну, видевший смерть каждый день вокруг себя, и... плачет. Я наклонилась еще ниже, стряхивая несуществующую пылинку с туфли, и сказала ему вполголоса:

– Отставить!

После того как была проверена составленная вечерня у всех студентов, мы взялись за ектении* и паремии*. Нашли в Минеях* службы с паремиями. Записали очередность возгласов. Начали торжественно зачитывать, как на службе. Возгласы священника и диакона тихонечко вставляла я. В помощь студентам, для ориентирования. Замечаю очень недовольное лицо взрослого богослова. Он и работает на уроке, и противится. А смотрит на меня так, будто я ему денег должна.

Вызываю к доске очередного зачитывающего. Даю ему задание:

– Всеволод, вместо возгласов говори «возглас».

Все братья слушали отвечающего. Поэтому у меня был развязан язык на галерке. Я ретировалась к моему недовольному.

– Ты чего такой недовольный? – прямо в лоб спрашиваю его.

Он молчит, отвернув голову. Ясно!

– Это личное, да?

– Нет-нет, Ксения Николаевна, вы что? Просто паремии... – и тянет с ответом.

Это становится интересно. Не личное, значит, можно всем. Я хлопаю в ладоши.

– Внимание! Стоп, Всеволод! У Матвея есть сообщение. Срочное, – и указала на недовольного.

Братья «ничтоже сумняшеся» спокойно развернулись в его сторону. И Матвей начал, обращаясь к сокурсникам:

– Мы на уроках Устав проходим, так? Так! Ксения Николаевна много возгласов говорит? Много! Прямо громко, прямо говорит! Вот я и смущаюсь: она женщина, ей не положено.

Братья зашумели.

– Ты Устав хочешь выучить? Священником хочешь служить? – кто-то спросил громче всех.

Я улыбнулась. Не впервой мне отвечать на подобные вопросы.

– Тихо, тихо, дорогие! Вы все молодцы. Ты молодец, потому что не стал в себе это хранить всю жизнь. Ты молодец, потому что напомнил о предстоящем великом служении. А я – тоже молодец. Давным-давно взяла благословение у игумена нашего на озвучивание возгласов и на... – Делаю намеренную паузу, интригуя братьев. – И на назначение поклонов непослушным ученикам.

– Сто поклонов ему.

– Сорока хватит.

– Что так мало? Тысячу назначьте, – понеслось со всех сторон.

Но видно хорошо, что братья шутят. Я улыбаюсь и продолжаю:

– А чтобы не сподобиться этого, давайте хорошо выучим тему паремий. Продолжай, пожалуйста, чтение.

Мы в полную силу включились в работу. Я присела и внимательно слушала отвечающих.

– Стоп, стоп! Не «исповедание», а «исповѣдание».

Через некоторое время, другому чтецу:

– Стоп! Не «студѣнца», а «студенца».

Я дослушала отвечающего и задаю вопрос всей группе:

– На уроке славянского языка вы тексты читаете?

– Почти нет, – отвечает за всех Георгий. – Мы там имперфекты, аористы проходим.

– Ясно. Тогда запишите себе в тетрадях: Причетник*, книга на сайте «Ридеро», конкретно написанная, для чтеца. Конкретно.

– Дилинь, дилинь, дилинь...

Смотрю на вызывающего ко мне абонента. Да это сама Муза Мефодиевна!

Отличный, профессиональный, самый лучший режиссер нашей епархии*. Составит, организует, проведет и исполнит любой концерт на любом уровне. Поставит православную сценическую сказку. Договорится с артистами и найдет спонсора. И что самое важное: все это не выходя за рамки приличной, православной тематики. В общем, уникал! И это все она. Дай Бог ей еще больших сил и вдохновения. Я часто пересекаюсь с ней на общих епархиальных праздниках. Но чтобы она звонила – это редкость. Показываю студентам знак «минуточку».

– Але! Да. Со святым днем, Муза Мефодиевна. Говорить? Могу, конечно. Для вас всегда, дорогая. – Я прервала урок, чтобы уделить время такому уважаемому мной человеку. – Я слушаю. Вся внимание, – приготовилась запоминать информацию о каком-либо благотворительном событии и т. п.

Но на том конце провода какая-то заминка.

– Але, але! Связь уезжает. Мне вас не слышно. А вы меня слышите? Але!

Я приготовилась нажать на кнопку сброса, но услышала в динамике голос.

– Ксения Николаевна! – наконец-то начала собеседница разговор. И голос ее звучит как-то печально, что ли. Или просто устала?

Я говорю ей:

– Секундочку!

Даю братьям задание:

– Найдите мне службу, на которой звучат – внимание! – больше двенадцати паремий.

Братья заохали, не веря услышанному.

– С моей стороны – никаких подсказок.

Ох и зашумели студенты после этих слов! Ох и загремели тяжелыми книгами по партам! Я счастливо улыбаюсь. Справятся! Прикладываю телефон к уху и слышу:

– Дорогуша моя! Ксенийка Николаевичка! Я слышу, ты занята. Тогда без предисловий, сразу по делу. Ты знаешь, я недавно звонила одному человеку. Рассказала о тебе: женщина имеет семью, мужа, семерых детей. Преподает в нескольких воскресных школах. Преподает на Б югословском, преподает в регентской школе. Преподает в одной специализированной школе. Участвует постоянно в концертах, снимает видеоклипы, записывает аудиодиски и выпустила несколько книг.

Муза перевела дыхание, и я успела вставить свои слова благодарности:

– Только по вашим молитвам. Спаси вас, Господи, за теплые слова.

Собеседница продолжила:

– После моего рассказа о тебе я задала ему вопрос: нормально ли это? – Она замолчала, видимо ожидая моей реакции.

Я тоже молчала, потому что никак не хотела поверить в услышанное. Муза Мефодиевна спрашивала обо мне?! У чужого человека, который ни меня, ни семью мою не знает?! Она спрашивала обо мне: нормально ли то, что я всем сердцем, всей душой, всей жизнью своей прославляю Творца?! Ну, она дает!

«Думай, Ксения, думай быстрее. А то бросит сейчас трубку – и до свидания! Ведь не просто так тебе дано было это услышать». Уникум первая прервала молчание:

– Ксения Николаевна, он ответил мне, что это ненормально. Поняла? Ненормально это! Ненормально!

Муза у Музы закончилась. Есть. У меня готов ответ для вас. Я начинаю вещать:

– Милая моя Муза Мефодиевна! Благодарю вас за заботу и посылаю вам мой ответ: да, ненормально. Согласна. Абсолютно ненормально, когда один человек спрашивает о другом такое! Как раз то, что вы спрашивали обо мне, вот это и есть ненормально. Простите, у меня урок. Ангела-хранителя! – и отключила соединение.

Мне бы сейчас пофилософствовать, но некогда. Ждут продолжения урока братья, которые также с радостью посвящают часть своей жизни Богу. Всех вам благ, дорогие. И только радости на своем пути!

– На чем мы остановились? – спрашиваю у группы.

Братья удивляются и радуются своему открытию. Самостоятельному. Они нашли эти паремии. Предлагаю им:

– Давайте оставшееся время урока все-таки почитаем!

– Давайте!

– Не-е-е!

– С удовольствием!

– Конечно!

– Как скажете!

Я хитро улыбаюсь.

– А выходи к доске для чтения паремий тот, кто... – Студенты молчат, не понимая моих задумок. – Тот, кто сказал «не-е».

Дружный смех раздался в аудитории. Смеялась даже я. Одному Игорю было не до смеха. Он вышел, прихватив с собой открытую Минею. Приготовился и начал чтение.

Я присела. Оказывается, устала. Склонила голову и сижу, немного удаленная от происходящего. Стараюсь слушать внимательно и молчу. Братья сами подсказывают чтецу правильные ударения в словах. Вот и славненько. Посижу, успокоюсь.

Через некоторое время замечаю в себе какую-то необычность. Мысли? Нет! Где-то болит? Нет! Так что же? Пришлось немало потрудиться над решением этой задачки.

Игорь читал медленно. Очень медленно. И мое воображение или сознание...

В общем, вчера я много печатала вечером. Оказывается, вслед за словами молитв Игоря я мысленно, причем очень быстро, набирала произнесенное им на клавиатуре компьютера, в «Ворде»...

Урок подошел к концу. Я простилась со студентами. Пошла подышать во дворик. Заодно вдоволь насмотреться на здешний зеленый садик и отдохнуть.

Через пару минут бежит ко мне тот самый Игорь. И приближается он с моими пакетами:

– Ксения Николаевна, вы забыли, – протягивает мне пакеты, но не уходит.

А я пребываю в таком благостном состоянии, что практически не уделяю ему внимания. Сiju, улыбаюсь да смотрю на фазанов. Игорь все равно не уходит! Пришлось спросить:

– Игорь, я, может, обещала тебе что-нибудь да забыла впопыхах?

– Нет, нет, вы что? Простите меня, пожалуйста!

Он стоит, теребя край своей рубашки. Готов и поплакать. Только не это!

– Игорь, Бог простит, и я прощаю. Все хорошо. Видишь, спокойно с тобою разговариваю.

Мой проситель делает рывок ко мне. Я на всякий случай отодвинулась в сторону. Одновременно выкинула «стоп-ладонь» к нему:

– Целоваться не будем!

Мы оба от души засмеялись. Всего два слова вернули человека в миротворческое русло.

Глава IV. Монах Алим*

Игорь оказался понятливым человеком. Уловив мой настрой отдохнуть в тишине и зелени ушел, попрощавшись.

Я чувствовала себя выжатым лимоном. Но знала: посижу, отдохну – и пройдет это состояние. Бог даст силы для новых трудов.

Позвонила домой. Там все отлично. Скучают, ждут. Сижусь. Негромко пищит фазан. Ксения, пакеты! Сейчас соберусь, сейчас.

Сказочно колышутся ветви березы от ветерка. Бегают ежи туда-сюда. Ксения, пакеты! Сейчас, сейчас.

– Ксения Николаевна! Ксения Николаевна! Вот вы где! Я устал вас искать. – Это говорит мне запыхавшийся секретарь учебной части Богдан.

– Со святым днем, Богдан. Что-то случилось?

– Да... то есть нет. М-м-м... И да и нет! – слегка успокоив дыхание, рассказывает мне Богдан.

– Ну, говорите. Чего там у вас?

– На богословском вас нет. На регентском вас нет. На проходной – вы не выходили. В трапезной вас нет. В учебном храме вас нет. Испарились! – и смеется своей шутке.

Активирую свой речевой аппарат:

– Да я тут, как видишь. В здравом уме и светлой памяти. – При этих словах мы оба засмеялись. – Говори по существу.

– Ну, как бы вам сказать...

– Говори как есть!

– С чего начать, даже не знаю, – словно малыш, лопочет секретарь.

– Начни с самого главного.

– Точно. В монашеской трапезной часа полтора уже сидят несколько монахов. Не наших. То есть не из нашего монастыря. Приехали человек десять подготовиться к архиерейской литургии*. Живут они в далеком скиту*. И наш владыка не был там ни одного раза.

– Хорошо, – отвечаю я. – То есть понятно. Дальше что?

– Благочинный* просит вас позаниматься с ними.

– Меня?! С ними? Архиерейской?! Ты видишь, я с пакетами сижу. У меня дела. Вы что, не могли учителя пения подыскать на регентском?

Собираю свою ношу, намереваюсь встать. Издалека слышу звук трубы, играющей «Сбор». Богдан участливо подхватывает пакеты и идет со мною пока прямо.

– Дело в том, что все учителя отказались, когда узнали, что они монахи и с ними надо заниматься архиерейской. Посовещавшись, дружно указали на вас, так как вы и Устав хорошо знаете, и являетесь действующим регентом храма. И вроде слух такой прошел, что вы книгу пишете об архиерейском служении.

Призывная труба, которую слышу только я, зовет меня все громче и громче.

Богдан направил ноги в сторону монашеского подъезда. Встрепенувшись, скороговоркой пояснил:

– Ах да! Сказали, на машине вас отвезут потом куда скажете. Вот!

Воображаемый звук трубы грозит оставить меня оглохшей. «Надо, Ксения, надо!»

Останавливаюсь перед Богданом и протяжно спрашиваю его:

– Можно я поем сначала?

– Да-да, конечно. Потом поднимайтесь наверх, вас встретят наши насельники и проведут к прибывшим. Пакеты я донесу сам. Все. Спаси Господи вас!

На том и расстались. Перекусила я в темпе, так как трапезный стул меня постоянно прогонял на спевку.

Непривычно было заходить в монашеский корпус. Неловко было подниматься по ступеням. Невозмутимо надо было пройти мимо удивленных лиц наших монахов.

Меня встречают. Слава Богу! Это мой бывший ученик Роман Платонов. Благополучно провел меня в большую аудиторию. Просторную и светлую. «Ксения, житейское отложи попечение. Сейчас – только божественное».

– Со святым днем, братия!

– Со святым днем, Ксения Николаевна, – вразнойбой ответили они мне.

Сидят пожилые и молодые. Просто в подрясниках*, а кто и в мантиях*. Сильно бородастые и не очень. Загорелые и светленькие. В общем, разные монахи.

Я присела на первый стул. Сидим, молчим. Хорошо так сидим! Я молчу – понятно, стесняюсь. Они-то чего молчат?!

Я стала осматривать убранство аудитории. На глаза попался святой угол. Всего несколько икон. Но! Прямо на меня смотрит с одной из них Роман Сладкопеев.

На память пришло его житие. И стыдно стало очень.

«Что-то, когда Романа Сладкопеева вытолкнули друзья в центр храма петь и импровизировать перед архиереем, он не стал отсиживаться на стуле! При этом совершенно не поющий человек. Вышел и, нимало не сомневаясь, начал петь. Да еще как! А ты, Ксения, сидишь тут! Вставай, страна огромная!»

– Меня зовут Ксения Николаевна. Я преподаю здесь несколько дисциплин. Много лет подряд. Сегодня на нашу встречу не рассчитывала. Честно сказать, совсем не знала о ней. Могу посвятить вам свое время до шести вечера.

При этих словах некоторые монахи почесали затылки.

– Для начала, братья, молимся! – Я встала. Монахи тоже.

Жду, пока их регент задаст тон для всеобщего слаженного пения молитвы. А никто не задает! Что ж, я сама даю тон и начинаю молиться. Все братья присоединились ко мне.

– В первой части занятия проведу опрос среди вас, чтобы мне знать, в каком ракурсе с вами дальше готовиться. Итак, по одному. Расскажите коротко о своей принадлежности к церковному пению. То есть сколько лет поете, что конкретно поете, какую партию* поете, читаете ли вы и так далее.

Полная тишина в ответ. Все молчат. Ясно. Надо по-другому сказать.

– Поднимите руки те, кто из вас постоянно поет на службах, – и приготовилась посчитать. Двое подняли. Да. Двое!

– Остальные что, стесняются? – начинаю я наступление.

– Нет, Ксения Николаевна. Редко пою на клиросе я, монах Иосиф. А постоянно на клиросе у нас поет один Алим.

– Как вы сказали? Алим? – Мне показалось, я ослышалась. Вот это имя!

Монах продолжил:

– Да, Алим. Он у нас за регента. Все службы на нем.

Я подтвердила восприятие услышанного кивком головы.

Надо придумать нечто такое-этакое. Какая-то мысль летает рядом. Спасительная. Не могу сосредоточиться под взглядом десятка молитвенников. Надо дать им задание.

– Открывайте ваши ноты, книги. Все, что взяли с собой на занятие.

Опять тишина. В смысле – сидят, не двигаются.

– Иосиф, почему не открываете ничего?

– Так нету у нас ничего, поэтому и не открываем.

В разговоре участвуем только мы двое. Остальные сидят, молятся по четкам*.

– Братия, сейчас все встали, пошли в библиотеку и принесли оттуда такие-то книги. – Сажусь писать шпаргалку в нашу библиотеку для взятия книг.

Все монахи ушли. Я осталась одна. «Думай, Ксения, думай. Господи, вразуми!» Через минутку четко увидела план дальнейшей «спевки». Гениально! «Благодарю, Пресвятая Троице!»

Пока певчие отсутствуют, написала крупным шрифтом на доске: «Исполла эти дэспота»*, «Кирие элейсон»*, «Тон дэспотин»* и т. д. И добавила еще подобные греческие тексты.

Вернулись монахи с книгами. Разложили их. Уставились на доску. Я весело им говорю:

– Учить греческий будем!

И пошел обычный для меня урок пения, но очень необычный – для прибывших.

Монаха, которого они почему-то называли Алимом, я назначила регентом. И муштровала его, не давая поблажки.

Сначала мы проговаривали хором нужные тексты. Затем я просила спеть частые напевы, которые звучат у них на службах. Подставляла те известные им напевы на эти новые, греческие словосочетания. Гениально!

Больше всего пришлось повозиться с «Да возрадуется». Минут через двадцать осилили. Я вздохнула напоказ и печально поведала ученикам:

– Это все цветочки. Сейчас будут ягодки.

– Да? – хором отреагировали монахи.

– Да, – ответила я и спела мотив просительной ектении грузинского распева. – Знакома ли вам эта мелодия?

– Да, знакома.

– Слава Богу. Теперь вместе поем ее.

Хор спел.

– Теперь еще раз, в два раза медленнее.

Хор спел. Я закручиваю гайки:

– Теперь в десять раз медленнее.

Певцы кое-как справились с заданием. Торжественно объявляю им:

– Наступил момент проверки вашей готовности для пения архиерейской. Пойте так же медленно, но подставляйте эти слова, – рукою указываю на доску.

Начал монашеский хор, как говорится, за здравие, а закончил за упокой. Стройное вначале пение развалилось под конец. Всех тянуло спеть известную мелодию гораздо быстрее.

– Ха-ха-ха! Простите, ради Христа! Это от усталости. Как говорится, не вы первые, не вы последние! Есть у кого-либо телефон с диктофоном? Или любое записывающее устройство? Нет? Тогда... Монах Неофит, выйди в коридор. У первого попавшегося прохожего попроси диктофон или что-либо подобное. Скажи, что Ксении Николаевне нужно. И я ему отдам попозже.

Идет урок своим чередом. В ходе него мы познакомились поближе. Удивительно: их игумен просто взял да и отправил на спевку всех своих насельников. Всех.

Кухонные, огородные, скотные, хозяйственные, промысловые, канцелярские послушники. Все здесь. Вот как бывает!

Благополучно и с диктофоном вернулся Неофит. Я стала говорить:

– Тишина в студии. Идет запись.

Мы поем, поем, поем. Записываем, записываем, записываем. Я стала поглядывать на часы, боясь пропустить последний момент выхода из монастыря. Мне ведь нужно в роддом успеть!

Монах Никодим задает правильный вопрос:

– Ксения Николаевна, нам бы еще по самой службе. По Уставу показать все надо. Там, говорят, все другое!

Как вовремя он вспомнил. Я присела и отвечаю:

– Сядьте отдохнуть. А я расскажу о книге «Архиерейская на хуторе». Слушайте. Завтра идете к своему игумену. Просите его зайти на сайт «Ридеро». И там, внутри сайта, просите найти книгу «Архиерей служит литургию на хуторе». Хотите верьте, хотите не верьте – она написана для вас!

Монахи заулыбались, наконец-то. Я поясняю дальше:

– Крупнейшим шрифтом, с простыми объяснениями сложных и необычных священнодействий, о которых упомянул Никодим. Там не найдете ни одной ноты, хотя книга расписана для пения тоже. На каждый новый, трудный и необычный текст в этой книге дается несколько вариантов распевов. Причем напевов знакомых и родных.

Гул пронесся в классе.

– И это еще не все. Просто и ясно, а главное, коротко и внятно даются пояснения и насчет Устава. В общем, просите игумена скачать эту книгу и распечатать вам. Желательно в формате А3. Это огромный лист. Петь легко будет. Теперь, в завершение нашего урока...

Братья снова зашумели и заулыбались, ожидая скорую свободу от непривычного для них занятия. Пришлось отодвинуть из радость:

– Братья монахи! Контрольный запев! И – контрольное дирижирование! Сейчас я включаю запись. Вы подряд под руководством Алима пропоете все, что мы прошли сегодня за три часа. Остановка карается строго. Очень строго. Пойте так, будто меня здесь нет. Идет служба и молитва. А молитва течет, раз начавшись. Она не останавливается. И вы не вздумайте останавливаться! Выкручивайтесь по ходу пения как хотите!

Монахи помолились Богу. Я включила запись. Хор начал петь. Запевал Алим. Затем к нему почти мгновенно присоединялись голоса. Сначала пели в унисон. Затем тот из них, кто слышал, подстраивал терцию*.

Я встала и подошла к окну. Вон они – фазанчики, ежики. Березки, чубушники. Лавочки и навесы.

Монашеский хор поет слаженно, не суетливо. Так молитвенно! Духовно! Слушала бы и слушала!

Глянула на часы. Мне через пять минут надо тронуться в сторону роддома. Это точно! Монахи допели последнее песнопение. У меня язык-заплетык. Я объявляю:

– Достаточно. А то мне еще с людьми разговаривать. Боюсь, не поймут. Домашнее задание. Каждый день или ночь делать спевки таким образом: включаете диктофон и поете одновременно с ним. В таком же темпе, в такой же тональности. Предварительно распечатав у игумена последование «Архиерейской на хуторе» на бумаге. Пойте, одновременно смотря в книгу и видя момент, в котором вы находитесь по службе. Всё! Все, братья, молимся.

Все мы помолились и поблагодарили Бога за помощь.

Я хватаю свои пакеты и бегу вниз, на ходу крича Иосифу:

– Организуй возврат книг в библиотеку. Верни диктофон и попроси переслать запись на сайт вашего скита. Помолитесь о мне, грешной Ксении.

Во дворе меня догоняют Алим с Макаром. Макар забирает пакеты и несется к проходной, видать. Алим быстро шагает около меня.

– Как вас благодарить?

– Я же сказала: помолитесь за меня с домочадцами.

– Хорошо. – Алим успокоился и придумал: – Приезжайте к нам в скит на неделю. Со всей семьей.

– Я подумаю над этим, Алим.

К воротам монастыря подъезжает минивэн с красивой надписью сбоку: «Скит святителя Николая». Отлично! Меня правда довезут? Это кстати!

Загрузившись в минивэн, тронулись в путь. Я время от времени указывала направление, повороты и т. д. При подъезде к роддому не удержалась и обратилась к регенту:

– Можно вас спросить?

Алим стал улыбаться.

– Я даже знаю вопрос. Все люди подобный вопрос начинают такими словами. Отвечаю: да, есть. Есть такой святой в святках*. И подвиг его хорошо известен. И много имен святых таких существует. Откройте календарь* и убедитесь, Ксения Николаевна.

Лихо подъехали к роддому, к главному входу. Я появляюсь из машины. Уставшая. С пакетами.

Мимо проходят медработники. Глянув на надпись по боку минивэна, начинают хихикать. Я бы тоже хихикала!

Глава V.

Матушка Гульнора

Подхожу к окошку «Передачи передач». Улыбаюсь от «помидорно-помидористого» сочетания слов. Протягиваю пакеты, беру чистый листок и пишу получателя: «Матушка Галина, супруга священника Дионисия. 2-й этаж».

Жду, когда работница протянет руку за «наводкой». Отдаю ей листочек. Она вертит его в руках, открывает толстый журнал. Читает его. Потом еще раз проглядывает в нем данные. Поднимает на меня взор. С печалью в голосе сообщает:

– Такой нету в роддоме.

Ну почему печальные мысли пронеслись в голове? Я помолчала, подумала и сказала медсестре:

– А может, она... того? – и посмотрела на потолок.

Медработница молча открыла другой журнал и стала исследовать его. Вердикт меня не утешил:

– Нет нигде такой!

Медсестра собирается встать и закрыть окошко. Я настаиваю:

– Девушка, милая! Моя приятельница разболелась. Меня попросила отвезти своей родственнице... – мой указательный палец поднялся вверх, – эти пакеты. Этаж указан. Разрешите, я пройду внутрь, поищу.

Медработница замешкалась. Я подкидываю информацию:

– Пакеты оставлю здесь. Вернусь быстро. Ну пожалейте!

Не говоря ни слова, приемщица встала. Открыла боковую дверь. Протянула мне белый халат. Дала в руки маленький коричневатый бланк. И подтолкнула к служебному входу. Спаси тебя Господи, мил человек!

Лабиринт служебного входа привел меня на площадку перед тремя закрытыми дверями. Хм! Какую открыть? Как там в сказке? Пойдешь налево... пойдешь направо... И? Не помню! Значит, пойду прямо.

Смело открываю среднюю дверь, ведь у меня коричневатый листочек в руках. Вижу лестницу на второй этаж. Не ошиблась!

Напеваю песню и иду. Услышала несколько голосов сверху. И шум спускающихся вниз по лестнице людей. Только вот удары подошв о ступени лестницы звучат неровно.

Со мною поравнялись несколько человек, наполовину тянущих, наполовину несущих человека в коляске. Вид у сидящего был опрятный, ухоженный. Пожилой мужчина улыбался тихой, довольной улыбкой. Но! Командовала всей этой процессией женщина. Среднего роста, с копной иссиня-черных волос.

Поравнявшись со мной, она остановилась, загородив собою всю площадку.

– Посмотрите на него, – начала она без предисловий. – Видите, глаз косит один? – При этом она указывает мне, какой именно глаз у улыбающегося человека косит. – Это мой муж – Джемшед. Он лежит тут, в больнице, на реабилитации. Вот почему он такой? А? Вы скажите мне, почему? – взывает она.

Мне становится неловко, потому что я не в теме, как говорится. Да еще этот белый халат на мне. А вдобавок в руках листочек! Пока молчу.

Она, видимо, должна выговориться и уйти восвояси. Уперев руки в бока, черноволосая ораторша продолжает:

– Однажды мы всей семьей подсутились, отвезли моего Джемша в Москву. Оттуда – в Тулу. Затем отыскивали монастырь со старцем* Власием. Выстояли большую очередь, чтобы

попасть к нему на разговор. И заходим, в общем... – Рассказчица полностью перенеслась в те прошлые воспоминания и переживания.

Люди, сопровождающие мужчину, прошли к форточке и присели на широкий, модный подоконник. Я отметила эту деталь: значит, они ее знают. И знают также то, что говорить она будет долго.

Немного занявшись своими думами, слегка отошла я от мысли ее повествования. Черноволосая супруга стоит теперь позади своего мужа, обнимая его за плечи.

– Поговорили мы о том о сем. И вдруг батюшка Власий начинает разговаривать с моим Джамшедом на памирском* языке?! Если я скажу вам, что мы были удивлены, то это, считай, я вам ничего и не сказала! Обычно молчаливый Джамш как начал с ним диалог вести! И говорит, и шутит! И на вопросы отвечает, и сам вопросы задает! А самое главное: у него скопил сильно к переносице один глаз. Он и не замечает! А я-то знаю. Сорок лет вместе живем. Это означает крайнее напряжение его мысли, воли, дум и удивления.

Я неосознанно посмотрела на листок. Собеседница поняла этот жест по-своему. Дотронулась до моей ладошки и сказала:

– Сегодня был обход у этого выдумщика. – Она показывает рукой на сидящего и говорит так, чтобы муж обязательно услышал ее слова. – Доктор, лечащий его, спрашивает: «Как вы себя чувствуете? Хорошо?» Моему делать нечего, он и отвечает: «Хорошо!»

Ох и боевая подруга у инвалида-колясочника! И артистка.

Я навалилась на стену, думая об успешном окончании разговора. И была понята правильно. Она сразу подошла ко мне вплотную. Развернулась в сторону мужа. Показала на него пальцем и грозно спросила меня:

– Скажите, пожалуйста, доктор, сейчас у него глаз косит?

Я вспомнила о позднем времени и собралась уйти. Но коса нашла на камень. Черноволосая разошлась не на шутку:

– Скажите мне прямо: его глаз косит? Я вам сама отвечу: косит. Потому что он наврал.

Он хотел очень домой и обманул доктора. И нас выписали. Вот идем до дому, до хаты.

Горячая супруга разом «сдулась». Стала обыкновенной женой и скомандовала помощникам:

– Привал окончен, ребятки. За дело!

Вновь протопали по лестнице шаги, и процессия двинулась вниз. Я посторонилась.

В тот момент, когда инвалида проносили на коляске мимо меня, он поднял свой взгляд, проникнув напрямик в душу.

Человеческим языком это не объяснить. Мы разговаривали сердце с сердцем.

Оказывается, мужчина любит свою семью, молится за нее, скучает без нее. И этот свой поступок не мог не совершить! Я увидела на его шее золотой крестик. У нас у обоих Бог стоит в жизни на первом месте. А на втором – семья.

Друзья пронесли коляску вниз, но сидящий на ней все выворачивал свою голову на меня. Я одобрительно закивала головой и показала ему поднятый вверх палец в собранном кулачке. И удвоила свое восхищение им, добавив и второй кулачок с поднятым пальчиком.

Двинулась дальше. Наличие коричневатого бланка, видимо, сыграло роль местного пропуска. А вот и нужное отделение. Остановилась перед пластиковой дверью, собираясь с мыслями. Само собой получилось, что я начала читать объявление, написанное от руки: «Всех больных закапывать в 7 утра». Открываю дверь. Смело подхожу к дежурной медсестре на посту. Говорю:

– Здравствуйте. Позовите, пожалуйста, матушку Галину.

– У нас нету такой, – не мешкая ни секунды, отвечает она мне. Видя мое удивление, добавляет: – Мне пришлось на посту провести двое суток. О матушке мы бы знали, конечно! – и склонилась пониже над медицинским журналом, считая вопрос исчерпанным.

Эх, медсестричка, не на ту нарвалась ты. Я села рядом на стул и приготовилась «надоедать». А что мне оставалось делать?! Уходить домой с пакетами? Жаловаться идти? На кого? И вообще это не мой стиль жизни.

– Милая девушка, пожалуйста, позовите матушку Галину. Она точно у вас здесь.

– У нас в отделении матушки Галины нет. Я вам ответила уже. – Медсестра повысила голос. – Идите поищите по другим этажам и отделениям.

Голос ее увеличился на несколько децибелов. Можно сказать, что она кричала на меня.

Вдали показалась ее коллега. Набрав неимоверное количество воздуха в легкие, моя медсестра как крикнет в ее сторону:

– Злата! У тебя матушка Галина есть в палатах?

На шум стали выглядывать из комнат пациентки.

– Матушки Галины у меня нет, – громко отвечает Злата и идет дальше по своим делам.

Моя жесткая медсестра поднялась со стула, помолчала, обдумывая верное предложение, адресованное мне.

Я поняла невозможность продолжения разыскивания матушки в такой обстановке. Извинилась и собралась развернуться к экзиту*. Вздрогнула от неожиданности, так как мне на плечо легла чья-то ладонь.

Позади меня стоит молодая красивая женщина. Волосы ее, коричневые и кудрявые, так забавно обрамляют без единой морщинки лицо. Она улыбается нам обеим, волей-неволей показывая идеально белые зубы.

– Я матушка Галина. Вы что-то хотите спросить?

Медсестра моя готова была провалиться на этом месте, но пол был цементный. Поэтому она просто уселась за свой столик. Наклонила голову пониже. И принялась дальше исследовать профессиональный журнал.

Мне стало так забавно! Я улыбнулась матушке. Взяла ее под локоть и предложила сесть в маленьком фойе, на мягких диванчиках.

Замечательно оформлено помещение для встречи с родными! Мы удобно сели на диван, находящийся между двумя раскидистыми китайскими розами.

Честно говоря, я вспомнила о ждущих меня дома детях. Но возможность разгадки странной истории взяла верх.

– Ну, здравствуйте! Меня зовут матушка Галина. Я вас внимательно слушаю. – Красавица матушка отклонилась на спинку дивана.

– Меня зовут Ксения, – начинаю я повествование. – Живу с семьей в доме, где в соседнем подъезде живет сестра вашей тещи. Она меня очень просила привезти сюда пакеты. Я согласилась. Привезла, они в комнате «Передачи передач».

Матушка кивнула в знак признательности и сказала:

– Спаси вас Господи! Вам идти, наверное, надо?

«Надо, Ксения, надо. Конечно, надо».

Но как я могу уйти, не узнав чего-то? Сама себя ругаю: «Ксения, любопытство – это грех*. Поднимайся и уходи по своим делам. Всё. Миссия окончена». А мне не уходится!

Я проиграла в этой борьбе. Открываю рот и спрашиваю:

– Матушка Галина! Почему никто не знает в отделении о том, что вы супруга священника?

Она захохотала сразу и весело.

– О! Это отдельная история. Вы торопитесь?

Моя голова начинает выписывать неопределенные движения, которые можно трактовать как угодно. Одновременно кисти рук проделывают точно такую же комбинацию.

– Ясно! – Матушка сияет от счастья. – Расскажу. Слушайте. Муж мой исмаилитский перс, чистокровный. Матушка моя кержачка-чалдонка. Это сибирская народность, происхо-

дящая от старообрядцев с Дона. Отец у меня обрусевший француз. Семья у нас вся крещеная, постоянно причащаемся. Но документы есть документы. По паспорту я Гульнора Алишперова. Переделывать документы не собираюсь, – Рассказчица задумалась, вспоминая свое, личное. Тряхнув головой, продолжила: – Выйдя замуж и поменяв фамилию, сильно стала замечать, что окружающие люди делали выводы обо мне по фамилии. При этом они чаще всего совершенно не знали меня лично. И постоянные вопросы ко мне: а что? а как? а почему? – Матушка изменилась в лице.

«Ксения, что ты наделала?! Ты досадила человеку. Беременному!» Я зашуршала сумкой, собираясь извиниться и уйти. В этот момент матушка Галина засмеялась.

– Недавно случай был забавный. Лежала я со старшим сыночком в больнице. В палате нас четверо мамочек. Никто меня ни о чем не спрашивает. И хорошо! Я замечала всего лишь то, что иногда при входе в палату прерывался их совместный разговор. Наступил день, в который соседка с ребенком выписывались. Она накрыла маленький стол на прощание. Женщины и я ели, делились рецептами, общались. Та, которую выписывали, предложила тост: «Давайте выпьем за мусульман, которые окрестились в православии!» По ее разумению выходило, что это я мусульманка. Бывшая. Крест они на мне каждый день видели. Пришлось много в тот день мне высказать. И с той поры, помня о душевной натуге после таких слов, я решила молчать. Пусть что хотят думают. Главное, чтобы Бог знал, кто я есть!

– Да, матушка! Я о такой стороне жизни и не задумывалась. Вы извините. А если кому-то действительно вы нужны?

– Не переживайте, – матушка погладила мою руку, – Бог все управляет. Вы сейчас встанете и уедете по своим делам. А мои дела... – Собеседница залилась смехом. – Поверьте, мои дела с этой минуты только начинаются. Вот теперь узнали – и начнутся вопросы. А я выиграла время, налеглась, отдохнула. Теперь можно и проповедовать. Денек дадут мне отдохнуть. А потом всё. Тишина нам только снится! Такое паломничество начнется в мою палату – мама не горюй! Сначала придут подкованные. Затем начнут приходить для разговора стеснительные и робкие. И темы будут самые разные: от триединства Бога до сына-подростка. Вот и мое служение таким образом совершается. – Матушка смеется.

Такое впечатление, что она смеялась бы и без меня. Так рада она этой теме. В фойе вышла техничка. Обвела взглядом диванчики:

– Матушка, пройдите на процедуры, пожалуйста, – и удалилась.

Рассказчица встала. Мы пошли к разным дверям. На прощание она сказала:

– Началось!

Мы посмеялись, помахали друг другу ладошками и разошлись.

На выходе из фойе меня остановил охранник:

– Уважаемая, халат верните!

Оказывается, я в раздумьях пошла к выходу в медицинском халате.

Хорошо, что напомним. Подойдя к окошку «Передачи передач», я вернула халат. Написала на листочке: «Матушка, 2-й этаж». Вложила его в принесенные мною пакеты и стала уходить. Вдгонку слышу окрик дежурной:

– Вы уверены?

– Более чем! – был мой ответ.

Выйдя на улицу, за больничные ворота, огляделась. Только-только начали опускаться сумерки. Природа замерла. Все тихо. В поле моего зрения попала знакомая припаркованная машина. Я подошла ближе. Да это же Ромы, кума* моего!

Окна тонированные, много не увидишь. Постучала. В ответ – молчание. Открываю дверь. А там такое! Я попала в настоящий кинотеатр. С кукурузными палочками, орешками, лимонадом и шоколадками. Милые мои дети! Вы мои счастье, радость и веселье.

– Мама!

- Привет, мам!
- Садись быстрее смотреть.
- Самое интересное началось.
- Кума, здравствуй! – с дальнего сиденья выглядывает кум.

Я так обрадовалась моим деточкам с кумом, что не сразу поняла их странное геоположение. Спрашиваю всех:

- А что это вы тут делаете?

Машина затряслась от детского и взрослого смеха.

Дети осознали долгосрочность своего пребывания в замкнутом пространстве. Повыскакивали на улицу. Встали под развесистыми серебристыми тополями. Под руководством Максима, на радость прохожим, принялись дружно делать зарядку. Кум появился последним.

- Здоровеньки, кума!

- И вам не хворать.

Мы обменялись рукопожатиями и отошли присесть на скамейку.

- Рассказывай, кум, как ты докатился до такой жизни?

Он задорно рассмеялся в ответ:

- Охотно.

Немного успокоившись, жестикулируя руками и постоянно хихикая, начал свой рассказ:

– Жили-были в лесу маленькие белки. Однажды мама говорит им: «Дорогие мои, попрыгаю я по деревьям, поищу вам самые вкусные орехи – кешью. Только вы сидите тихо! Из дупла не выглядывайте!» Сказала так мама-белка им и прыгнула из дупла далеко-далеко, на самое высокое дерево». – Кум начинает смеяться, вспоминая об одном ему ведомом событии.

Я глянула на физкультурников и замерла: Христина энергично объясняет столпившимся прохожим, как правильно следует приседать, не травмируя спину. Во дает! Выросла доча! Возвращаюсь к оставленному разговору и слышу:

– В общем, медведь им говорит: «Вылезайте из дупла, пройдем по лесу, я соберу вам малину и грибочки». Но маленькие белочки попросили его самого залезть к ним и угостить малиной. Пришлось медведю залезать в дупло, угощать белочек малиной. Так и сидел он в гостях. Прошло время, и мама-белка вернулась с полными карманами орешек кешью.

Я угадываю конец и говорю куму:

- Вот и сказки конец, а кто слушал – молодец!

Мы оба засмеялись, смотря на бегающих вокруг посадок детей.

- Все-таки ты как здесь с ними оказался? – задала я свой ждущий в очереди вопрос.

Вместо ответа кум опять начинает хихикать. А мне не до смеха. Хочется услышать скорее. Наконец он смилостивился и сказал:

– Иду я, значит, мимо вашего дома по тротуару. Вижу: огонек горит. Дай, думаю, зайду в гости, с крестницей повидаюсь. Посидели, поговорили. А потом и поехали сюда все вместе. Ты что, не рада?!

Кум отвлекся на рассматривание марширующих детей. Я, конечно, рада. Неожиданно, да и все. Чего тут говорить? Кум продолжает:

– Сели мы в мою машину и приехали к тебе. Позвонили, а ты трубку не берешь – занята, стало быть. Посмотрели на часы – надо немного подождать. Тогда я достаю вкусняшки из пакета. Компьютер из сумки. И начинаю твоих детей, мою крестницу развлекать. Как-то так! – Кум снова смеется.

Я поняла! У детей и кума есть какой-то свой секретный секрет. И мне он о нем не рассказывает. И молодец! Но я-то знаю: со временем их секрет все равно окажется и в зоне моего доступа.

Подожли дети. Мы уселись в машину. Кум рулил надежно и плавно. Дорога была свободной, ровной и такой желанной. Благополучно довез нас до дома. На часах 20:24.

Покидала я машину усиленно кряхтя и охая. По лестнице шла... Нет, я не шла, а брала приступом каждую ступеньку. Дверь! Красавица! Милая! Родная! Достая ключ и начинаю открывать вход в покой, отдых и еду. Деточки молча облокотились на стену подъезда. Устали, наверное. Дверь не поддается. Я не могу поймать нужный ракурс, чтобы открыть. Наклонилась пониже. Присмотрелась и вставила ключ в скважину. И чуть не получила по лбу! С той стороны двери заскрежетал замок. Я улыбнулась, предвидя встречу с тем, кто услышал наши потуги.

Входная дверь открывается, и оттуда появляется наш сосед снизу. У всех Свистунов на лице написана одна и та же эмоция: а что вам надо?! Первым в себя пришел сосед:

– А что это вы тут делаете? – и стоит, не шелохнувшись, в проеме.

Пока я подбирала нужные слова, адресованные ему в ответ, сосед поднял вверх указательный палец и произнес:

– Ваша дверь этажом выше, граждане.

Дружный обоюдный смех заменил все вопросы, ответы, извинения и оправдания!

Войдя в дом, на этот раз свой, мы были встречены деточками и их любовью.

Куда деваться от многочисленных вопросов, которые всегда появляются в семье по прошествии дня? Поговорив с детьми полчаса, я уселась на мягкое кресло, склонив голову набок. Сказать, что я устала? У меня каждый день такой! Тогда что? Наверное, устала от эмоционального наполнения дня.

Пошумев немного по квартире, дети собрались в дальней комнате. Сквозь такую желанную, мягкую и теплую дрему слышу их смех и реплики. Пора их спать укладывать, однако!

– Мама, к нам стучатся! Мама, к нам стучатся! – без конца повторяет в моем сне Верочка. – Мама, в дверь стучатся, – затевает она вновь и вновь.

«Крепко мне спится в кресле, в тишине...» – подумалось мне. Открываю глаза. Никого.

Встаю и иду на разведку. Вижу Верочку, обнимаю и говорю:

– Представляешь, ты меня сейчас во сне разбудила!

Вера стоит безучастно, лишь смотрит на меня серьезно.

– Мама, к нам стучатся.

– Ха-ха-ха! А откуда ты знаешь? – Глажу дочку по волосам.

– Мама, к нам стучатся! – Вера довольно хорошо выдерживает свою роль и даже не улыбнется!

– Да-да, Вера, вот такими словами ты меня подняла. Пойдем на кухню, осмотр сделаем.

Проходя мимо входной двери, я услышала тихий, аккуратный стук за ней. Прислушалась – тишина.

Верочка встала у входной двери и снова произнесла:

– Мамоchка, к нам стучатся.

Только в этот момент мои уши уловили еще такое же постукивание. Решила открыть дверь, а там брат собственной персоной!

– Не ждали? А мы опять приперлись! – начал он весело.

Вера и я покатались со смеху, осознав всё-всё. И то, что к нам действительно стучались. И то, что я не слышала почти ночные тихие скребки брата. И всё, всё, всё. Я обняла вошедшего и сказала:

– Мама, к нам стучатся.

Вслед за мной и Вера повторила это предложение.

Мы стояли около открытой входной двери и смеялись. Тимофеем, конечно, ничего не понял, хотя на всякий случай смеялся вместе с нами.

– Ксения, я не мог не заехать! Ты так выручила! Я привез тебе кое-что. Не за то, что ты нянчилась. А от души, по-простому.

Брат достает из пакета достойное окончание прожитого дня. Блендер! В упаковке! И пакет вкусняшек детям.

– Спаси тебя Бог, милый! Это ты помнишь о том, что я с Христиной часто на кухне экспериментирую? Молодец!

Брат прошел к детям. Я, до сей поры не переодетая, решаюсь отложить это интересное занятие на потом. Прохожу в дальнюю комнату и прерываю детское ток-шоу:

– Дети, идите перекусите, сходите в туалет, умойтесь и помолитесь.

– Мамочка!

– Мамуля, мы не хотим в туалет.

– Мам, половина из них поела вечером.

– Ма, а можно не умываться?

Кричать на детей не в моих правилах. Пропускать неправильное поведение – тоже. Как мне поступить?

Я начинаю расстраиваться. Ко мне сбоку подходит увешанный моими младшими брат.

– Не расстраивайся. А ты знаешь волшебное слово?

– «Пожалуйста»? – недоверчиво спрашиваю я.

Тимоша промолчал в ответ. Терблю его за рукав.

– Говори уже!

– После этого слова они все просто побегут исполнять хором и наперегонки все сказанное. Знаешь такое слово?

– Нет.

– Да ладно! Ты – и не знаешь?!

– «Пожалуйста»?

– Ну, попробуй. Скажи им «пожалуйста».

Я набрала воздуха побольше и говорю детям:

– Дети, пожалуйста, идите кушать, умываться и в туалет.

Ноль реакции. Говорю брату:

– Я сейчас заплачу. Нет настроения шум поднимать.

– И не надо. Смотри, сестра!

Брат опускает Веру с Захаром на пол. Подходит к проему комнаты. Оборачивается на меня. Подмигивает. Потом как огласит:

– Деточки, мама сказала: спа-а-ать!

Что тут началось! Все повывскакивали – и врассыпную, комментируя мне на ходу:

– Мамочка, мамочка, а можно мне покушать? Я кушать хочу.

– Можно.

– Мамуля, мне в туалет надо.

– Иди, – уже веселее отвечаю я.

– Мама, я хочу руки и лицо с мылом помыть.

– Да, да, иди, дорогой.

Я так смеюсь, но никто из детей не может понять, что именно меня рассмешило.

Выглядывают из всех своих уголков на меня, смеющуюся. А я смотрю на брата.

Стоит счастливый, довольный. Победно улыбается:

– Учись, детка!

Глава VI.

Группа «Кипяток»

– Двести первая мотострелковая! Подъем! – поднимаю утром я своих детишек.

Настроение сонное-сонное у них. И, по-моему, грустненькое. Да и сама я такая. Хочется лежать, лежать и спать. Подходит не кто-то из малышей, а Наденька.

– Мама, когда папа приедет?

Теперь все встало на свои места.

– Скоро, – ответила я и поцеловала дочку.

Дети ходят, умываются, смеются, крутятся перед зеркалом. Мне кажется, они чем-то опечалены. Спрашиваю пробегающего мимо Тихона:

– Вчера воспитательница Захара говорила о кукольном театре?

– Нет, мам. Говорила о цирке, который должен приехать во вторник. Деньги я сдал. Все нормально. Кстати, вот приглашение возьми. Я вчера забыл отдать, – и пошел готовиться дальше.

Я машинально взяла протянутый листочек. Машинально стала изучать содержимое билета-буклета. Машинально рассматривала построение композиций и сочетание цветов. Но глаза мои упорно хотят штудировать с самого конца. Что-то их зацепило. Провела пальцем по приглашению вниз и нашла. Нашла то, что глаза мои увидели давно, – маленькую рекламную приписку с краешка: «Дети до шестилетнего возраста приходят в цирк на руках»...

Собравшись, помолились вместе. Это так здорово! Так радостно! Но... Я слышала как-то: женщинам необходимо изредка посидеть одним, поразмышлять о пройденном этапе жизни и прочем...

Хорошо бы! Господи, а мне как посидеть? Я на людях всегда. Ксения, хватит нюни распускать. Такова твоя жизнь. Взбодрись – и вперед!

Я включаю подборку детских и современных песен, которую составляли мы вместе. Христина приготовила завтрак. Мы уселись. Во время него Тихон громко сказал:

– Три, четыре! – Это было неожиданно.

Мои роднучки хором, улыбаясь, растягивая слова скандировали:

– Мама, когда папа приедет?

Смотрю в их глаза и вижу печальку, грусть. Что вам ответить? Сие мне не ведомо. Да и ему, я думаю, тоже. Рудник у него новый, все только налаживается. Вслух я, конечно, ответила:

– Скоро, скоро. Жди меня, и я вернусь. Только очень жди!

Легким смехом дети поддержали мой ответ.

Все сборы позади. Отряд стоит у двери. Ксения, благословляй, иди! Школьники и детсадовец трогаются с места. Я с Верой остаюсь.

Но мне не нравится, что они собираются выходить из дома в таком грустном настроении. Я же мать! Развеселю их, так и быть. Громко декламируя начало стиха, стараюсь и пантомимой изобразить содержимое:

– Жил человек рассеянный, – поворачиваю голову влево, вправо, – на улице Бассейной. – Развожу руками по воздуху, будто плыву.

Наконец-то дети открыли входную дверь и заулыбались мне. Я продолжила:

– Вместо шляпы на ходу... – Энергично работаю руками, будто при скандинавской ходьбе.

Дети мои спускаются по лестнице, выворачивая головы на мой моноспектакль. А я дала себе волю:

– Он надел... – Смотрю вокруг в поисках подходящего предмета.

Деточки подумали, что я стих забыла, и стали хором скандировать на площадке между этажами:

– Он надел сковороду!

Пока они это выговаривали и смеялись, я сбегала на кухню. Лихорадочно пошарила глазами. Не увидав свободной сковородки, взяла в руки поднос и побежала к выходу. Говор и смех деточек слышен далеко внизу.

Зачем я подбежала к подъездному окну? Не знаю! Но так мне захотелось. Я шустро открыла его. Слегка высунулась наружу. Приложила поднос сверху головы. Подождала, пока выйдут из подъезда дети, все до одного, и крикнула высоко, нараспев:

– Он наде-е-ел сковороду-у-у!

Мне трудно было, конечно, держать поднос на голове и высовываться из окна. Но самое сложное оказалось в том, чтобы не рассмеяться!

Дети смеялись от души. Кто-то присел на корточки. Кто-то облокотился о дерево. Вот и славно. Только с таким настроением нужно выходить из дома. Я помахала рукой и собралась закрыть окно. Верочка стала подниматься по ступеням домой.

В поле моего зрения показался незнакомый мужчина. Он вышел из-за угла и спешил по своим очень важным делам. Ничего не замечая вокруг, погруженный в свои думы.

Чего-то мне захотелось и его порадовать. Может быть, сказался мой девичий интерес к жизни юродивых* святых. Эх, была не была!

Кричу с подносом на голове, высунувшись из окна, устремив взгляд в сторону:

– Сел он у-у-утром на крова-а-ать...

Мужчина стал оглядываться в поисках источника звука. Не с первого взгляда, но вычислил меня. Шаги его стали мельче. Теперь он смотрел прямо на меня, подняв голову. Я громко декламирую дальше:

– Стал рубашку надевать... – Отведя поднос в сторону, протянула руку для закрытия окошка.

Ожидала я, честно говоря, только негатива. А тут такое! Сорокалетний мужчина стал изворачиваться, надевая на себя невидимую рубашку. Мне стало и смешно, и стыдно. В этот момент слышу с улицы, видимо, его голос:

– В рукава просунул руки...

Не веря своим ушам, я, прячась, глянула в окошко. Мужчина стоял посреди тротуара, раскинув руки в стороны, и продолжал:

– Оказалось – это брюки. – Он стал отчаянно трясти руками, пытаясь скинуть с себя невидимые брюки, смотря при этом прямо на мое уже закрытое оконце.

Бывает же такое! Нужно срочно войти в дом. Хорошо, что соседи разбрелись к этому времени. Благополучно войдя в квартиру, прикрыв дверь, я подумала: «Наверное, у него тоже много детей...»

Я пошла на кухню выпить травы и подумать. Проходя мимо входной двери, слышу скрежет. Неужели это он? Что делать? Первым делом смотрю в глазок. Да ну?

Стоит собственной персоной моя младшая сестренка Любочка. Да не одна, а с дочей Дианой. Вот так встреча!

Сестренка с племяншкой составили нам с Верой компанию. Мы посидели, чай со вкусяшками попили.

Люба, хоть и младшая, быстро решила все вопросительные моменты. Первым делом посмотрела полонку в машине. Невероятно, но она все починила. Сказалось частое стояние возле мужа во время ремонта их машины. Любочка просто почистила контакты в аккумуляторе. То, что для меня далеко, ей оказалось абсолютно близко!

Приехали они сегодня в город к зубному. Уже были на приеме. И там выяснилось, что сегодня еще раз нужно им подъехать. После обеда. Позвонить она нам не могла, потому что телефон окончательно сломался и в ее планах сейчас покупка нового.

Я целую ее с Дианой и говорю:

– Как здорово, что вы у меня есть!

На это Люба парировала:

– И это не все. Ты сейчас пешком к богословам. Одна. Проводишь урок.

Я утвердительно киваю головой. Начало мне нравится! Она продолжает:

– Я остаюсь у тебя дома с Верой. Отдыхаю. Ем. К концу твоего урока мы все, кто в этой квартире окажется, приедем в монастырь, к тебе. На «Ларгусе». Потом я уезжаю с Дианой к зубному и восвояси. А ты... Ты запрыгиваешь в машину и мчишься домой с детьми, которые сидят внутри. Гениально! – и смеется, поднимая указательный палец вверх. Как сказано, почти что так и сделано!

Мы дружной компанией расположились в квартире по своим интересам. Любаня и я, естественно, оказались на диване. Да еще и с ароматным травяным чаем в руках. Простое любопытство подтолкнуло меня задать Любочке очередной вопрос:

– А в какую стоматологию вас отправили?

– О! Я самоотправилась. Прочитала объявление. – Сестренка зашуршала в сумочке и достала мне отрывочек газеты. – Вон там, внизу, обведено. Читай.

Объявление оказалось в моих руках, и я его зачитала: «Зубы?! Наши стоматологи сделают все, чтобы вы навсегда забыли о них!» Я так быстро захихикала, что и не ожидала от себя такой прыти. Любаня, напротив, была сама уверенность и непоколебимость. Подперев бока руками, покачивая головой влево-вправо, сестренка отвечала:

– А я хочу!

Вот и хорошо! Есть множество других тем для разговора...

Около монастыря я оказалась очень рано. До начала урока полчаса. Душа потянула помолиться в учебном* храме.

Литургия окончилась, но народ не успел разойтись. На солею поднимается монахиня Капитолина, отвечающая в храме за записки, требы и другое. Негромко стучится в северную дверь. Выглядывает иеромонах Сергей. Утвердительно кивает головой, выслушивая помощницу.

Через 30 секунд, выйдя из алтаря*, священник делает громкое объявление:

– Дорогие прихожане! Матушка Капитолина сейчас сказала, что ни одной записки для служения молебна вы не подали. Я понимаю: кредиты, ипотеки, внуки. Но молиться за всех нужно. Послушайте... – Он улыбнулся и сказал громче: – Благословляю всех вас подойти к столу и написать молебны за своих близких, во славу Божию!

При этом батюшка действительно благословляет всех. Я подумала про него: «Какой молодец! Взял и благословил весь храм подать записки безвозмездно!»

Прихожане стали общаться вполголоса, улыбаться и писать записки.

Я подошла к клиросу и попросилась попеть немного с ними. Батюшка начал служить молебен, выйдя в центр храма.

Начались запевы. Иеромонах Сергей возглашает:

– Иисусе Сладчайший, спаси нас...

Не мешкая мы повторяем за ним.

– Пресвятая Богородице, спаси нас...

Слово в слово и мелодия в мелодию повторяем.

С правой стороны к нам подошел молодой человек и раздал всем по шоколадке. Мы волей-неволей отвлеклись.

Батюшка возгласил очередной запев. Мы должны были повторить. Но... Смотри друг на друга с вытаращенными глазами, осознали: никто его не слушал и не услышал. Все любовались вкусняшками. Наступила тишина. Неловкая тишина. Непростительно долгая тишина со стороны певчих.

Ангелина, регент, вздохнула и, пряча глаза в пол, крикнула в сторону батюшки:

– Батюшка, простите нас. Мы не слышали запев.

Священник улыбнулся и сам спел его.

Идет дальше молебен. Молимся мы за всех. Священник читает много записок. В глаза бросилась его постоянная улыбка при чтении имен. Лично, что ли, знаком с этими людьми?

Иеромонах Сергей по прочтении записок передал пономарю несколько штук, нечто сказав при этом.

Посланец подошел к клиросу, положил записки на наш пульт и ушел. Мы, естественно, глянули в них. Каждая записка начиналась словами «Молебен во славу Божию». Обычно записки на молебен подписывают «Молебен Господу» или «Молебен Божией Матери». Прихожане слова священника о безвозмездном написании имен восприняли еще и как указание – кому молиться! Мы улыбались от всей души.

Наступает долгожданный момент окропления святой водой. Щедрость батюшки не знает границ! Все веселятся и просто умываются попавшими на них струями.

Мне снова нужно на богословские курсы. С утра! С обеда – разберемся дальше, что там на повестке дня. Нужно решать проблемы по мере их поступления, как говорится!

Вошла в класс я вовремя. Помолилась вместе с учащимися. Начался урок Богослужебного устава Русской православной церкви.

Группа разновозрастная, с разной степенью подготовки и разной степенью воцерковленности. С первого взгляда.

За партами рядом сидят и пожилой седобородый мужчина, и юный мальчуган, который только вчера смог снять почти присосхнувшую серьгу с уха.

Мои глаза на секунду остановились на некоторых братьях. Они мне незнакомы. Заочники, наверное. Им вход свободный! Пусть стараются. Учатся в этой группе несколько монахов. В общем, слегка перемешанный состав.

– Братья, составляем службу Вербного воскресенья. Всю, полностью: возгласы, священнодействия, пение, чтение.

Закипела работа. Вопросы, ответы, опять вопросы!

В тот момент, когда братья подустали составлять службу и обмениваться служебными возгласами, я сама себе даю добро на лирическое отступление:

– Я заметила, братья: в вашей группе пополнение. Что ты есть имя, брате? – обращаюсь к рыжеволосому скромному юноше с вопросом, заимствованным мною из «Чина пострига* в монахи».

Юноша бодро начал отвечать:

– В связи с переездом на новое место жительства переведен с богословских курсов Душанбинской и Таджикистанской епархии на ваши богословские курсы. Пономарю в алтаре с детства, немного помогаю читать на клиросе. Зовут меня Ковалев, – тут он сделал явно надуманную паузу, – Лев, – да как зарычит: – Р-р-р!

Я подскочила на своем стульчике.

Этого никто из присутствующих не ожидал. Глядя на открытое, правдивое и веселое лицо Льва, мы, однако, дали волю своему веселью. Смеялись, вспоминая первые секунды после его рычания.

Так! Надо выходить из положения. Смотрю на часы: до конца урока успеют еще одну службу составить.

– В связи с быстрым составлением первой службы даю вам новое задание. Какой там у нас святой со львом дружил? Вот ему и составляйте службу. Те, кто не знает его имени, берите сейчас Патриаршие календари. Открывайте и ищите святого по названию местности. Подсказка: это было на Иордане. Далее проштудируйте житие. Так и найдете.

Закипела работа: листаются книги, переворачиваются страницы календарей, закладываются служебники. Слава Богу! Я едва успеваю подходить к учащимся. Подсказывать, направлять их в плане составления этой службы. Почти все самостоятельно нашли службу святого Герасима Иорданского.

Гудит общим шумом урок Устава. Студенты листают книги. Переговариваются вполголоса между собою по составлению службы. На задней парте Владислав поднял руку, призывая помочь ему разобраться. Листая демонстративно книгу «Ирмологион»*, спрашивает:

– Ксения Николаевна. Вот богородичен* понедельника вечера... – Листает дальше. – Вот богородичен вторника вечера... Вот четверга вечера... А где богородичен пятка вечера? – Поднимает на меня глаза и кивает головой.

Брови в самом верху его лба! Он крайне удивлен и требует немедленного разрешения вопроса.

Хорошо. Объяснила ему раз. Объяснила два. Уже сама все поняла. А он – никак. Что делать мне в таком случае? Сильно от общего хода урока отдаляться не хочется.

Да ладно. В любой группе всегда есть отличники.

Повышаю громкость голоса и хлопаю в ладоши для привлечения всеобщего внимания:

– Братья! Объявляется конкурс. Награда – пятерка в журнал тому, кто своими словами сможет пояснить Владиславу отсутствие богородична на субботу. Мои объяснения он пока не воспринял.

Почти все ребята выскочили из-за парт и ринулись к отстающему. Не ссорясь, прилично и по очереди начали ему показывать по книгам все нюансы.

«Ксения, что ты здесь делаешь? Тут и без тебя учителей хватает...»

Рабочая, здоровая учебная обстановка. Но через некоторое время Роман, очень красивый юноша с огромными карими глазами, естественно, во всеуслышание интересуется:

– Ксения Николаевна, а разве можно животных на иконе изображать?

Я внимательно вглядываюсь в его глаза и вижу там чистое и неподдельное удивление и недоумение. Так что же, Ксения? Не суждено окончить сегодня урок на ноте Устава? Воля Твоя, Господи! Начинаю:

– Есть строгое правило, предписывающее изображать святого только в том виде, в котором его видели ходящим по земле. По-старинному оно звучит так: «Да не солгу на святого». То есть если святой ходил по земле седым, то не стоит его образ украшать черными волосами. «Да не солгу на святого» – то есть скажу правду о нем, в описании его образа только правдивые штрихи! Применительно к иконописи это отражается на всем облике святого. Если святой подвизался в пустыне, да не дерзнет кто-либо изобразить его плывущим в лодке по реке. Это понятно? – вглядываюсь я в лица ребят. – Если святой при жизни все время ходил со львом по пустыне, как Герасим Иорданский, то и на иконе там может присутствовать лев. Но не как святое лицо, а как правдивое окружение святого. Еще пример: если у святого была большая, длинная, густая борода, которая разделялась в конце на две стороны, то и изображать его нужно так. Почитайте книги Симеона Афонского. В истории человечества сохранился подлинно зафиксированный случай, который произошел с султаном Махмудом во время посещения им святой горы Афон. Правитель усомнился в правдивости изображения иконы Онуфрия Великого, так как на иконе борода изображена была гораздо ниже колен. После отъезда падишаха мудрый игумен велел позвать старца с длинной бородой, у которого она была гораздо ниже уровня земли, и отправил его на прием к султану. Падишах проверил двумя пальцами

три волоска от пола до подбородка у старца. И изрек: «Правда! Что написано у православных на иконах – то сущая правда!»

Так мы и посвящаем оставшиеся десять минуточек урока иконам.

– Даю вам домашнее задание...

В этом месте меня прерывают:

– Вы же не задаете домашки! – возражает Александр Полях и ждет одобрения соседей.

Но те молчат, внимательно слушают. Так и смирился сразу Саша.

Я продолжаю:

– Так вот, домашнее задание: почитайте житие святого мученика Христофора, отличного воина. Посмотрите на то, как выглядит его святой образ – обратите внимание – в начальных веках написания икон! Дальше поменяли ему кое-что! И в следующий раз расскажите мне на перемене о том, как отобразилось правило «Да не солгу на святого» в написании образа святого мученика Христофора.

Заканчиваю урок, накладываю на себя крестное знамение, призывая братьев сделать так же, молюсь:

– Святый мучениче Христофоре, моли Бога о нас!

Выйдя на улицу, окунулась в палитру красок энергичного города. Гудки, крики, хлопки, сирены, оркестр. Просто жизнь. Решила воспользоваться минуткой и посидеть в тени моего любимого уголка в монастырском садике. Спокойна насчет деток я была все время. Ведь с ними Любочка.

Сзади раздались призывающие крики:

– Ксения Николаевна! Ксения Николаевна! Там на проходной такое!

Подбегает вахтер и сообщает, даже не успев отдышаться:

– Там на вахте такое! Куча детей, и все к вам хотят. А я не пускаю. Узнаю из них только младшую вашу... Как ее? Леночка? Вот закрыл проходную и побежал. Слава Богу, за двадцать лет привычки ваши изучил. В классе вас нет. На проходной нет. В трапезной нет. Значит, в саду.

Я похлопала в ладоши и сказала:

– Браво! Так ведите меня к ним скорее.

Благополучно добравшись до починенного Любовью «Ларгуса», заглядываю внутрь:

– Со святым днем, братья и сестры! Давненько не виделись! – Слова мои обращены к Максиму, Захару, Верочке и Христине.

Краем глаза замечаю стоящего около меня новенького учащегося – Артема. Заинтересованный происходящим, он просто остановился. Святая простота!

Мне захотелось повеселить его.

– Так! Стоп, стоп! – Открываю дверь «Ларгуса». – Выходим по одному, разговор есть.

Дети стали галдеть и прыгивать.

Я веселилась от души, смотря на меняющееся лицо Артема. Стоя у дверцы, я принимаю детей и суровым тоном считаю:

– Первый пошел, второй пошел. – Студент смеется вовсю. – Третий пошел. – Возле нашей машины остановились некоторые прохожие и ученики. – Четвертый пошел.

Люба уловила мою мысль и с готовностью встала в детские ряды. Я невозмутимо продолжаю:

– Пятый пошел.

Глядя на счастливую и веселую реакцию зевак, ныряю внутрь. Беру на руки смеющуюся Диану:

– Шестой пошел, – аккуратно опускаю ее на асфальт. Публика стоит – ждет продолжения.

Вот и оно! Лихо подъезжает к проходной белая «Волга». Машина владыки* Германа. Его определили жить в нашем монастыре на пенсии. Привлеченный скоплением людей в таком

необщественном месте, он подходит к нам. Молча всех нас благословляет, но не уходит. Улыбается и ищет конфетки в кармане. Я так подумала. А что еще? Довольно быстро справившись с объемными карманами рясы, владыка вытаскивает на свет Божий... О да! Мне это мерещится. Но лишь по поведению моих родных я поняла, что со зрением у меня все в порядке.

Владыка вертит в руках красненькую, огромную по номиналу бумажку. Которая является не чем иным, как пятью тысячами рублей. Дети почти хором благодарят его:

– Спаси вас Господи.

– Дай Бог здоровья. – Я стою, не веря своим глазам.

Наверное, владыка не первый раз видит такую реакцию. Спокойно и деловито еще раз благословляет нас, садится в машину и проезжает во двор монастыря!

– Билетов больше нет, – говорю я прохожим. Командую всем: – Занять места согласно исполнившимся годам!

Люба вопросительно показывает пальцем на себя и Диану. Я киваю головой. Она поняла: мне не хочется семейные дела обсуждать публично. Сестренка рукой указала мне на место за рулем.

Благополучно загрузившись в авто, отъехали и остановились на первой попавшейся парковке.

– Ксюша, Ксюша, – первой берет слово сестра, – мы с Дишей сейчас вызываем такси и едем к стоматологу. Оттуда на вокзал, на вечерний, проходящий автобус.

Я подняла брови вверх:

– Чего это вы на такси? И не думай. Отвезем, поцелуем.

Дети – они и есть дети. Смеются, радуются не столько моим словам, сколько мимике.

– Может, я чего-то не знаю?

– Не знаешь, мамочка, не знаешь! Мне звонил батюшка Василий. Говорит, что до тебя дозвониться не может, – рапортует Максим.

– Хорошо, – отвечаю. – Это вы вернулись из школы, приехали ко мне, чтобы все сказать?! – специально веселю я народ.

Христина поднимает руку.

– Сейчас все объясню. В школе объявили учебную тревогу по гражданской обороне. Обязали всех учеников покинуть помещение в сопровождении родных лиц. Мы знаем, что ты не дома. Пошли к директору, объяснили. Он нас видит много лет. Вот и отпустил втихаря, так сказать, без сопровождения.

Я стала наматывать кончик платка на палец, а Христия продолжала:

– Пришли домой, а там тетя Люба с Дианой! Поговорили, покушали. Тимофей решил поспать дома. Надя уехала на кружок моделирования. Потом тетя Люба стала собираться. Мы спросили: «Куда?» Она ответила: «К маме вашей». Ну, мам! Как мы могли усидеть дома, когда узнали, что она едет к тебе и урок у тебя окончен? – Христина замолчала.

В моей голове пробежала мысль: «А здорово Люба моя все придумала».

Проводили тетю Любу с Дианочкой на такси. При расставании сестра мне сказала:

– Включи телефон. Я в дороге позвоню тебе. Увидишь мой новый номер.

На том и порешили. Сестренка, как всегда, все продумала четко и ясно. Мы распрощались.

Моя семья готовится тронуться в путь домой. Я достаю телефон, чтобы включить молитву водителя. Пятнадцать пропущенных звонков! Оказывается, я отключила звук при входе в монастырь.

Столько звонить может только один человек, если я ему очень нужна. Или несколько, если сегодня хрустальный «день мобильного звонка»!

Пока дети удобнее рассаживаются и пристегиваются, начинаю подтверждать или опровергать свою версию.

Есть! Ларчик просто открывался! Все звонки от батюшки Василия. И всего лишь одно СМС-сообщение!

Я ощущаю, как мои мышцы, расслабившиеся от одной мысли о близком доме, начинают группироваться к марш-броску. Причем со всем снаряжением. Я имею в виду детей!

Помолившись перед прочтением, я открыла эсэмэску. Едва глянув на нее, произнесла голосом и с интонацией Карабаса-Барабаса из киносказки про Буратино:

– Ха-ха-ха!

Дети разом замерли, услышав невероятное.

– Ой, ха-ха-ха, – продолжила я. – Дети мои. Послушайте СМС-сообщение от батюшки. – Мне захотелось повеселить пассажиров, и я решила еще раз позаимствовать у Карабаса его голос. – «Улица Тракторная, дом 62. СУП».

Я заразительно засмеялась. И детей уговаривать не надо! Среди общего веселья продолжаю кричать:

– Самая короткая эсэмэска в мире! Экс-чемпион среди эсэмэсок во Вселенной! Двести первая мотострелковая дивизия, вперед! Поехали! Или вас домой на такси? – задаю для приличия дежурный вопрос.

– Нет. Ни в коем случае! Никак нет. Поехали трактор супом кормить! – понеслись с задних сидений реплики.

Пока дети веселились, пришла эсэмэска от батюшки с номером телефона человека, зовущего меня для варки супа.

Я завела мотор машины и завела детишек, на радость. Тронулись. Двигаемся без пробок, все ближе подбираясь к окраине. Поймавшие смешинку мои сочинители не унимаются:

– Автобус хочет мороженого.

– Посмотри вправо: маршрутка доедает пирожок. – От усталости дети смеются по каждому пустяку.

– Самолет не может взлететь в небо, наевшись сосисок! – веселятся дети.

Легко на душе у матери. Чего еще для счастья надо? Внимательно управляю машиной, но совесть меня обличает. Подумала и добавила, шепча в лобовое стекло, обращаясь к Богу:

– Спасения души еще надо, Господи. Дай им души спасти! – Так и едем.

Дорога неизвестная. Повороты, повороты. Пригорки, пригорки. Мостики, мостики. Шлагбаумы на переездах. Мы уехали довольно далеко! На очередном нерегулируемом перекрестке притормаживаю и осматриваюсь по сторонам. Несется слева «Нива Шевроле». Пускай себе несется. Она меня пропустить должна. Я ее правая помеха. И начинаю улыбаться от примененного к себе псевдонима. Правая помеха! Жму на газ. Водитель «Нивы» нас не пропустил. А перегородил собою дорогу и грозно крикнул в открывшееся окно:

– Ты что, права купила, блондинка?

Дети смотрят на меня смущенные. Я, в свою очередь, высунулась из окна. Открыла рот для ответа вроде: «Да я двадцать лет за рулем – и ни одной аварии!»

Но неожиданно для себя вернула свою головушку в салон. Будто со стороны слышу звук своего голоса, в реальности обращенный к детям, с нотками большого недоумения:

– Откуда он знает?!

Мы так долго и дружно смеялись, что мне пришлось включить аварийку, так как стояли на перекрестке. Правда, он был свободным и пустым...

Тронулись дальше. Христина задает вопрос:

– Мама, а трудно научиться машину водить?

– Трудно. Я на первом уроке вождения инструктора до слез довела! Он мне говорит, чтобы я плавно педаль сцепления обратно возвращала. В итоге я что делаю? Нажимаю на педаль и – раз! – резко откидываю ее обратно. Машина и глохнет сразу. И ругался он

на меня. И уговаривал. Ничего не помогло, пока я сама не разобралась. Я быстро сбрасываю педаль, как при игре на фортепиано! Чем быстрее сбросишь, тем лучше.

Старшие смеются, а младшие притихли. Я продолжаю:

– Когда поняла это, тогда и смогла исправить. Самое-самое главное в вождении – это... – и замолчала, подогревая интерес к ответу.

– Скажи, мама... Ну, говори скорее! – летят ко мне просьбы.

Я сделала вид, что очень занята дорогой. Потом ответила:

– Всегда, при любых обстоятельствах, в любое время дня и ночи знать...

Снова молчу. Старшие подключили Захара:

– Скажи, мам!

Что поделать. Говорю:

– Знать, где находится тормоз.

Реакция детей была удивительной. Они призадумались, размышляя о последствиях от несущейся машины, водитель которой забыл, где находится тормоз!

Ксения, ты этого хотела? Выруливай обратно, на радость жизни.

Мы приехали в район города, состоящий сплошь из частных домиков. Красота! Запахло цветами, травами. Повеяло свежей водичкой. Казалось, и небо стало другим.

Надо срочно растормозить детей. А то кто его знает, сколько времени им сидеть придется тихонечко в чужом доме.

Увидев неподалеку сидящую на скамейке пожилую женщину, останавливаюсь. Полностью без стеснения быть осмеянной, оскорбленной и униженной, спрашиваю ее, но с ярко утрированным кавказским акцентом:

– Уважаемая! А гдэ тут у вас улца такой? Как машина? Нэ. Как экаватр? Нэ.

Дети смотрят на сидящую женщину во все глаза и закрывают свои уши, боясь услышать в ответ адрес с названием улицы из трех букв.

Мы все ошиблись. Женщина встала, оправила платье, слегка улыбнулась вытаращенным глазенкам пассажиров и говорит:

– Вай тиси тэд лаби*, – умудряясь при этом рукой показывать направление моего будущего движения. – Ун па крэйси симтс метру. – В конце этих слов она победно улыбнулась и помахала нам рукой, так как мы стали трогаться с места.

– Спаси Бог, дорогая! Мы так и думали! Мы тебя поняли!

Дети засмеялись звонко и дружно, чтобы дать выход накопившимся тревогам. Такие дела, детки! Взрослые тоже умеют развлекаться прилично!

Мы бродим колесами по улицам в тишине, Максим затевает разговор.

– Ма, а знаки водительские трудно выучить?

– Да нет, – отвечаю ему и всем. – Основных очень мало. Любой выучит. Но есть одно... – Я протянула окончание, чтобы усилить внимание. – Есть одно, не выучив которого нельзя садиться за руль. Нельзя! – поясняю громко. – Правило «три Д»!

Дети молчат, совершенно не понимая смысла. Перевожу:

– Дай дорогу дураку!

– Чего?! «Три Д»? – Максим недоверчиво смотрит на меня в зеркало заднего вида.

– Мама, это правда? – Христина не верит своим ушам.

Я не выдержала и начала смеяться. Дети подхватили мой смех, но сразу остановились. Понятно! Эта тема их глубоко тронула.

Я собралась повернуть направо. Притормозила, включила поворотник, но вовремя увидела «кирпич».

– Что случилось, мама?

– Мы прямо на дороге остановились! – посыпались подсказки.

Учитывая недавнюю нашу тему, я включила «аварийку» и отвечаю:

– Видите, кирпич висит на дереве?

– Где кирпич? – недоверчиво спрашивает Захар.

– Как на дереве? – вертит головой и удивляется Христина.

– Мама, не надо ехать. Он на нас упасть может.

Вот теперь пора просветить деточек.

– Дети. «Кирпичом» водители называют вон тот знак, – и рукой показываю на дерево.

– Я не вижу.

– Там дерево. Но дерево это – не кирпич.

Дети старательно рассматривают дерево, но не замечают знака. Я обучаю их дальше:

– С первого, пассажирского, взгляда, это зеленое дерево. Просто дерево.

– Конечно, – утверждает Максим.

– Со второго, водительского, взгляда, это висящий знак «Проезд запрещен». Он закрыт раскидистыми ветками вяза. Поняли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.